

Анна Корниловна Старинова
Наша союзница – ночь
Серия «Женщина в разведке»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397430
Наша союзница – ночь. / Анна Корниловна Старинова.: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-4438-0947-2

Аннотация

В 1964 году были изданы воспоминания полковника Ильи Григорьевича Старинова, человека по-настоящему легендарного в истории разведки. В его книге рассказывалось о секретной подготовке партизанской войны в начале 30-х годов, о диверсионных операциях в годы гражданской войны в Испании и о репрессиях 1937–1938 годов.

Гражданскую войну в Испании Старинов прошел не один – рядом с ним всегда находилась переводчица, Анна Корниловна Обручева. После возвращения из Испании они поженились и прожили вместе без малого полвека.

Предлагаемая вниманию читателей книга – первое полное издание воспоминаний Анны Корниловны Стариновой. Мемуары этой легендарной женщины охватывают временной период с ноября 1936-го до апреля 1939-го. Автор рисует живую картину происходящего, описывая свои впечатления от встреч с воевавшими в Испании советскими военспецами, подробно рассказывая о диверсионных рейдах в тыл противника и об обучении испанских партизан. Знаменитый российский историк и публицист Александр Дюков провел сложнейшую работу по подготовке текста к печати, дополнил книгу предисловием и подробными комментариями.

Содержание

Предисловие	4
Впереди Испания	8
На испанской земле	15
Чемодан с минами	21
Первые вылазки в тыл мятежников	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анна Старинова

Наша союзница – ночь

Предисловие

Пятьдесят лет назад, в 1964 году, Военное издательство Министерства обороны СССР выпустило в серии «Военные мемуары» небольшую книгу. Имя ее автора мало что говорило читателю, а указанное на титульном листе звание – полковник – смотрелось очень и очень скромно. Тем не менее, книга мгновенно стала библиографической редкостью – ведь в воспоминаниях полковника Ильи Григорьевича Старинова рассказывалось о вещах сенсационных: о секретной подготовке партизанской войны в начале 30-х годов, о диверсионных операциях в годы гражданской войны в Испании и о репрессиях 1937–1938 годов. После распада Советского Союза стало известно, что полковник Старинов – фигура по-настоящему легендарная, «дед советского спецназа». Его воспоминания стали своеобразной классикой мемуарного жанра и неоднократно переиздавались.

Гражданскую войну в Испании Старинов прошел не один – рядом с ним всегда находилась переводчица, Анна Корниловна Обручева. После возвращения из Испании они поженились и прожили вместе без малого полвека. Анна Корниловна никогда не стремилась к публичности, однако, тем не менее оставила после себя весьма интересные воспоминания. Как это ни парадоксально, но на русском языке из этих воспоминаний опубликованы лишь отрывки¹; относительно полная публикация была предпринята в 1995 году – но в переводе на английский язык и потому для отечественного читателя осталась абсолютно неизвестной².

Предлагаемая вниманию читателей книга – первое полное издание воспоминаний А.К. Стариновой. Хотя эти воспоминания и охватывают небольшой временной период – с ноября 1936-го до апреля 1939-го, они чрезвычайно интересны. Анна Корниловна вспоминает те же события, которые описал в своих воспоминаниях И.Г. Старинов – однако ее воспоминания более подробны и красочны. Там, где И.Г. Старинов ограничивается сухим описанием событий, А.К. Старинова рисует живую картину происходящего, описывая свои впечатления от встреч с воевавшими в Испании советскими военспецами, подробно рассказывая о диверсионных рейдах в тыл противника и об обучении испанских партизан. Эта красочность воспоминаний об «общественных» событиях контрастирует со скупостью воспоминаний «личных». Отношения со своим будущим мужем Старинова набрасывает редкими штрихами, практически намеками:

Начальник вернулся поздно вечером и с ним пополнение.

– В нашем полку прибыло. Теперь у нас будут и братья-славяне: поляки, югославы, болгарин, чехи и словаки, будут немцы и австрийцы, итальянцы, американец, финны и французы. А два югослава прилично знают испанский язык и могут объясняться по-русски. Теперь тебе будет легче, – довольным тоном сказал мне Рудольфо.

– Может быть! – ответила я, обидевшись. И про себя подумала: «Вот какое он получил пополнение... Теперь я не нужна ему». Вот, думаю, ошиблась, что не осталась в Валенсии.

¹ Старинова А.К. Советник Кольман (Вильгельм Кумелан) // Борцы Латвии в Испании, 1936–1939: Воспоминания и документы. Рига, 1970; Старинова А.К. В тылу у мятежников // Мы – интернационалисты: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. М., 1986; Старинова А.К. Наша союзница – ночь // Профи. 1997. № 5–6; 1998, № 1

² Starinov A.K. Behind Fascist Lines. A firsthand account of guerrilla warfare during the Spanish revolution. New York, 1995

– Вижу, чем-то недовольна? Что тебя, Луиза, беспокоило? – ласково спросил Рудольфо.

– Почему ты не сказал мне в Валенсии о своем намерении? И на что я тебе теперь? – ответила я и отвернулась.

– Мы с тобой советские люди, нас вместе послали, вместе и будем работать. Ты теперь сможешь мне больше помочь. Мы будем действовать перед полосой южного фронта на большом протяжении, и мне одному не под силу справиться, а у тебя уже есть опыт, и при твоём знании языка и народа ты сможешь во многом заменять меня. Придется самостоятельно перебрасывать группы.

С художественной точки зрения зарисовка, кстати говоря, просто великолепная: буквально в нескольких абзацах рассказано и о чувствах автора воспоминаний, и о характере И.Г. Старинова. В дальнейшем своих чувств Старинова касается только несколько раз (точно так же, намеками), а о своем замужестве сообщает в двух скупых строчках:

Работая в Наркомпросе, я превратилась из Обручевой в Старинову. Проработав в Наркомпросе десять месяцев, я по совету врачей вынуждена была оставить работу.

Ситуация парадоксальная: Старинова достаточно откровенно рассказывает о вещах сов. секретных, связанных с разведывательно-диверсионными операциями, однако, как только речь касается личного, – замолкает. Обычно в воспоминаниях личность автора находится в центре событий; читателю же воспоминаний Стариновой образ автора приходится собирать по рассеянным то тут, то там «проговоркам». Еще чаще проговорок нет вообще. На первой же странице воспоминаний читатель узнает, что у автора есть маленькая дочь. Но почему она уезжает от дочери в Испанию? Растит ли она дочь одна – или у нее есть муж? Ни намек на ответ в воспоминаниях не найдется.

Если бы я был просто историком, мне пришлось бы остановиться на этой констатации. Однако Анна Корниловна была моей прабабушкой; я сам (пусть и смутно) помню ее, а также имею возможность дополнить этот образ семейными рассказами. И потому знаю, что осталось за пределами мемуаров.

Моя прабабушка родилась в декабре 1900 года в селе Дорогорское Мезенского района Архангельской области, что на правом берегу реки Мезень. Места это северные, суровые и холодные. Матерью Анны была местная жительница, Ольга Степановна, а вот отец, Корнилий Дерягин, был пришлый. Говорили, что он пришел из Финляндии – хоть до Мезени от Финляндии расстояние и изрядное. Как вспоминала прабабушка, был Корнилий человеком религиозным, почти целыми днями молился, организовал в деревне кружок по изучению Библии. В дом к нему приходили желающие, Корнилий читал вслух Библию, разъяснял, если что было непонятно. Жила семья бедно, вся домашняя работа лежала на плечах жены. Детей в семье было четверо: Валентина, Анна, Николай и Александра. Как вспоминала прабабушка,

Жили бедно. Дети спали на одной кровати. Зимой темнело рано. Окна избы по северному обычаю располагались высоко, и снег доходил до самых окон. Утром рано не хотелось вставать из-под тёплого одеяла в нетопленную комнату. Мать будила по-простому, лопатой по ногам. И начинался трудовой день: мы помогали матери, которой было очень трудно. Колоть дрова, носить воду, топить печь...

Учились дети в сельской церковно-приходской школе, занятия в которой вёл местный священник, награждённый медалью за русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Препода-

вал Закон Божий, как мог – знакомил с русской литературой. Учил священник, по всей видимости, хорошо: в старости Анна Корниловна с удивлением говорила, что до сих пор помнит «молитвы и тропари, неизвестно зачем».

Впрочем, учеба была недолгой – надо было работать. Жизнь была тяжелой – что до революции, что после. В начале 20-х годов приходилось заниматься даже заготовкой леса и сплавом его по Мезени. Эти работы запомнились прапрабабушке как кошмар: тяжелая работа, холод, мокрые ноги. Работала она в артели далеко от родной деревни. После работы сушили одежду, отдыхали в бараке, в котором стоял запах табака, потной одежды. «Было душно, – вспоминала Анна Корниловна, – хоть топор вешай». Из-за тяжёлой работы, недоедания, недосыпания, плохой одежды, холода она заболела туберкулёзом. Этот кошмар она вспоминала всю свою жизнь. Выбравшись из Мезени, она никогда больше туда не возвращалась. В 60-е годы ее звали приехать – но она не хотела возвращаться туда, где ей когда-то было так плохо. Единственное, что связывало ее с малой родиной – северные песни, которые Анна Корниловна даже в старости пела с удовольствием.

Однако советская власть все-таки обеспечивала возможность повысить свое социальное положение. Свою дальнейшую судьбу Анна Корниловна обозначала пунктиром:

Несколько лет работала женделегаткой. Волостной комитет партии выдвинул меня на женработу. 8 марта 1926 года меня приняли в кандидаты партии большевиков. С 1926 года, по окончании губернских курсов женорганизаторов в Архангельске, работала женорганизатором, а дальше – учеба в [Северном краевом] комвузе и в Ленинградском восточном институте имени Енукидзе, где изучала английский и испанский языки.

Как обычно, ни слова о личном; а между тем, в 1926 году, она вышла замуж за приехавшего в Архангельск из Ленинграда партийного агитатора Федора Семеновича Обручева – человека видного и образованного. Зимой 1927 года у супругов родилась дочь Ольга, моя бабушка. Когда ребенку не было и года, Федор с Анной уехали в Ленинград. Надо было лечиться от туберкулеза, устраивать свою жизнь. Дочь оставили в деревне на попечении младшей сестры Анны – Александры. В Ленинграде Анна Корниловна поступила в Восточный институт им. Енукидзе, изучала испанский язык. Федор Семенович очень ей помогал, так как сам знал несколько языков. Когда жизнь более-менее наладилась, привезли из деревни дочь. Переехали в Москву, жили на Гоголевском бульваре; Федор Семенович работал в Главлите цензором, Анна Корниловна – переводчицей в Международной ленинской школе. Покоя, однако, не было.

Федор Семенович на всё имел своё принципиальное мнение и всегда его высказывал. Его то исключали из партии, то восстанавливали опять... Середина 30-х... Тогда была очень нервная обстановка в семье.

От семейных проблем Анна Корниловна и поехала в Испанию.

Испания произвела на нее огромное впечатление. Много лет спустя Анна Корниловна рассказывала об апельсиновых рощах, о красоте испанской природы. Часто повторяла: «Quien no ha visto Sevilla, no ha visto maravilla» – «Кто не видел Севилью, тот не видел чудо». Возможно, именно для того, чтобы воскресить те прекрасные ощущения, она в 60-х годах и взялась за написание мемуаров.

Работа переводчицей при советнике по диверсионным делам Илье Григорьевиче Старинове оказалась нелегкой – приходилось и ходить в тыл к противнику, и самой преподавать испанцам диверсионное дело, и даже заниматься организацией разведки в тылу противника.

Мне было легче переводить на занятиях по разведке, чем по минно-подрывному делу. Работая в Ленинской школе, мне уже довелось заниматься вопросами конспирации, тайнописи, организации связи в условиях нелегальной работы. И тут все пригодилось...

Прибыв в Хаен и установив контакт с Франсиско Кастильо, Рудольфо и Д. Унгеря начали организовывать разведывательную службу. Разведывательная работа так меня захлестнула, что мне пришлось выезжать на встречи, собирать и обрабатывать материалы, а позже – ставить задачи разведчикам.

Заместителем командира по разведке и начальником разведывательной службы был Агустин Фабрегас, наипытнейший подпольщик, прекрасный организатор и замечательный товарищ. Ему было около 60 лет, и он часто болел, приходилось мне не только помогать ему, но иногда и замещать его.

– Луиза! – говорил он сокрушенно, когда надо было составлять сводку или донесение. – Вы знаете, что интересуется Рудольфо, а что Кольмана, разберитесь и составьте донесения.

Со всеми этими специфическими задачами Анна Корниловна справлялась отлично, была награждена орденом Красной Звезды и представлена к ордену Красного Знамени. Однако представление это сгорело в топке советского корабля, остановленного для досмотра франкистами.

Казалось, что дальнейшая судьба Анны Корниловны, как и судьба многих других побывавших в Испании советских переводчиц, будет связана с работой в военной разведке или разведке НКВД.

Однако по этому пути Анна Корниловна не пошла. После возвращения из Испании она устроилась в Наркомат просвещения, работала начальником управления спецшкол и детских домов, а потом в Интернациональном детском доме в Иваново, куда прибывали дети испанских республиканцев.

В 1938 году она развелась с мужем, Федором Семеновичем Обручевым, и вышла замуж за своего испанского начальника – полковника Илью Григорьевича Старинова. Он был далеко не единственным из советских «испанцев», ухаживавших за Анной Корниловной, – но выбрала она именно его.

В дальнейшем Старинова никогда не выходила из роли жены-домохозяйки, воспитывавшей двух детей – дочь Ольгу от первого брака и сына Владимира от второго. Выйдя замуж второй раз, она стала вполне счастлива. Дома супруги часто говорили по-испански, своего мужа она любила называть на испанский манер – «Люсито». Ее внучка, моя мама, вспоминала:

У дедушки и бабушки была забавная привычка: они решили, что каждый день надо радоваться чему-нибудь обязательно. «Ни дня без шутки» – это было их правило. Они прожили вместе всю жизнь, до её смерти в 1984 году.

О большей части из этого Анна Корниловна не сочла нужным писать в своих воспоминаниях. Она предпочла рассказывать не о своей жизни, а о том, что видела во время гражданской войны в Испании. Возможно, она была права: рассказ этот оказался чрезвычайно интересен и познавателен.

Александр Дюков

Впереди Испания

Москва, 16 ноября 1936 года.

Состав Москва – Столбцы давно подан.

Нетерпеливо пыхтит паровоз, как бы напоминая многочисленным провожающим, что пора прощаться.

Слышатся последние восклицанья, добрые напутствия, и поезд тихо трогается точно по расписанию.

– Как много провожающих, – подумала я, глядя в окно.

... Только не было среди них только моей восьмилетней дочки.

Вспоминаются последние минуты расставания с ней.

Я стою у раскрытого, еще утром уложенного чемодана, проверяя, все ли приготовлено в дорогу, а Оля, суется вокруг меня и пытаюсь мне помочь, старательно подкладывает в него вовсе ненужные в дорогу вещи, засыпая меня при этом градом вопросов.

Занятая своими мыслями, взволнованная и расстроенная предстоящей разлукой, забываю ей отвечать или делаю это настолько невпопад, что Оля чувствует что-то неладное. Девочка становится вдруг очень серьезной, затем неожиданно начинает жалобно и тихонько плакать:

– Мамочка! Возьми меня с собой на вокзал, ну возьми, пожалуйста, возьми, возьми... и... и! – всхлипывает она.

Чувствую, что могу не выдержать... Защелкиваю замки чемодана, ласково, очень ласково обнимаю и крепко целую Олю, затем быстро выхожу из комнаты, оставляя дочь с моей сестрой, приехавшей из Мезени в Москву по моей просьбе.

Я стояла у окна, глядя на огни удаляющейся столицы, и думала о дочери. Когда-то теперь доведется встретиться... Затем немного успокоилась и вошла в купе.

Мой начальник Александр Порохняк³ – невольный свидетель моих переживаний – попытался было приступить к изучению испанского языка, но из этого у нас ничего не получилось. Мне было не до того...

Мой попутчик, пожелав спокойной ночи, забрался на верхнюю полку и, видимо, заснул.

Поезд шел быстро, вагон плавно покачивало, было далеко за полночь, и все располагало к отдыху, а мне не спалось.

Сбылась моя мечта: еду в Испанию, к которой прикованы взоры всего мира...

Вдруг нахлынули воспоминания из моего детства...

Прошло двадцать лет после окончания мной церковно-приходской школы в затерянном на реке Мезени селе Дорогорском, известном лишь тем, что до Октября туда ссылали политических. В память прочно врезались слова отца, сказанные им еще в 1915 году:

– Ну, Анютка, ты, слава богу, выучилась читать, да и писать умеешь. Девчонке в солдаты не идти, пора за работу браться.

– Помогай, доченька, родителям... – добавила мать. – Хлеба на семь ртов до Рождества не хватает!

³ Псевдоним И.Г. Старинова. (Примеч. ред.)

И определили меня нянкой в семью местного купца вначале за харчи, а потом – за целковый в месяц.

Но служила я у него недолго. Весной двухлетняя дочка купца залезла на подоконник, а я так увлеклась книгой, что и не заметила, как девочка упала на улицу... Хорошо, что все обошлось благополучно: обе отделались испугом. Но финал был печальным – узнали хозяева, выругали и прогнали. Родители опечалились.

С той поры пошла я батрачить. Но от книг не отвыкла, часто недосыпая, умудрялась читать.

За 10 лет батрачества пришлось работать у многих хозяев-богачей, чтобы заработать себе на пропитание и одежку, да и по возможности – помогать родителям.

Довелось батрачить и у богатого оленевода. Много сотен оленей было у него, и тяжело мне доставалось. Но была молода и труда не боялась.

– Анна! – не раз говаривал мне захмелевший хозяин, – выдадим тебя замуж за богатого ижемца⁴, будут у тебя стада оленей и станешь ходить в длинной малице⁵ с сюзомой⁶, будут у тебя батраки.

К счастью, этого не случилось – пришла Советская власть и в наши края. Все коренным образом изменилось в моей судьбе.

Нехотя пошел хозяин на первое общее собрание и, вернувшись, зло сказал, показывая на своих батраков:

– Теперь они будут править, но недолго!..

Для меня началась новая жизнь. Сходки, собрания, беседы, антирелигиозная пропаганда, заготовка леса.

Несколько лет работала женделегаткой. Волостной Комитет партии выдвинул меня на женработу. 8 марта 1926 года меня приняли в кандидаты партии большевиков. С 1926 года, по окончании губернских курсов женорганизаторов в Архангельске, работала женорганизатором, а дальше – учеба в Комвузе⁷ и в Ленинградском восточном институте имени Енукидзе⁸, где изучала английский и испанский языки. В 1935 году стала переводчицей Международной ленинской школы при Коминтерне⁹.

И вот теперь – международный вагон на пути в далекую, загадочную Испанию...

Сильно утомившись, не заметила, как уснула.

У пограничной станции «Негорелое» проснулась и вышла в коридор. Вблизи нашего купе у окна стоял в добротном костюме хорошо сложенный, симпатичный молодой человек. Когда вышел Порохняк, незнакомец окинул его взглядом с ног до головы. Мой начальник осторожно тронул меня за руку, и мы ушли в купе.

– Видела?

– По одежде вроде свой, а там кто его разберет...

⁴ Ижемцы – финно-угорская этногруппа коми (коми-зырян). Ижемцы традиционно занимались кочевым оленеводством. (Примеч. ред.)

⁵ Широкое пальто без пуговиц, одевается с подола через голову. (Примеч. ред.)

⁶ Пришитый к малице капюшон из пыжика. (Примеч. ред.)

⁷ Комвуз – коммунистическое высшее учебное заведение. Наименование высших партийных учебных заведений в 1920–1930 гг. А.К. Старинова окончила Северный краевой комвуз в Архангельске. (Примеч. ред.)

⁸ Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе (с 1920 по 1922 гг. – Центральный институт живых восточных языков, с 1922 по 1924 гг. – Петроградский институт живых восточных языков, с 1924 по 1927 гг. – Ленинградский институт живых восточных языков, ликвидирован в 1938 г.) – высшее учебное заведение, готовившее работников для практической деятельности в странах Востока, а также научных работников для востоковедных вузов и академических учреждений. (Примеч. ред.)

⁹ Международная ленинская школа – учебное заведение Коминтерна, основанное в Москве с целью обучения деятелей революционного движения стран Европы и Америки, действовала с 1926 по 1938 гг. (Примеч. ред.)

– Будь внимательна и осторожна, – наставлял меня Порохняк.

На станции Негорелое пограничники и таможенники внимательно осмотрели все в вагоне и тщательно проверили наши документы.

Поезд тронулся.

Границу пересекли без остановки. На восточном берегу речки остались родные советские пограничники в зеленых фуражках, на западном – уже стояли белопольские.

Через несколько минут поезд остановился на станции Столбцы. Непонятные для меня надписи, высокие жандармы, крикливые носильщики и первые, режущие ухо слова: «пан» и «пани».

Порохняк заметно изменился, как-то сгорбился и, как я потом узнала, не без оснований: он почти десять лет работал в войсках Украинского военного округа, около трех лет занимался вопросом партизанской борьбы и боялся, что его узнают и не пропустят через Польшу, поскольку у польских панов к нему были свои счета¹⁰.

Жандарм просмотрел мой паспорт, мило улыбнулся и вернул его мне, затем взял паспорт моего начальника, внимательно и долго его разглядывал, иногда внезапно переводя взгляд на его владельца.

– Прошу, пан Порохняк! – наконец, изрек жандарм, возвращая паспорт.

Таможенники так внимательно «изучали» содержимое наших чемоданов, словно те были начинены алмазами или валютой, но изъяли только советские газеты и журналы.

Порохняк наблюдал за тем, как таможенники осматривают вещи других пассажиров.

Когда стали проверять вещи ехавшего с нами в одном купе незнакомца, Порохняк весь превратился во внимание.

– Наш! Свой! И, возможно, едем по одному маршруту, – шепнул мне начальник.

И действительно, он оказался таким же, как и мы, добровольцем. В пути мы узнали, что был он танкистом и звали его Павлом.

Порохняк накупил целый ворох газет и начал их читать.

– Ну и брешут! – сказал он. – Если им верить, то мы уже опоздали. В республиканской Испании полная анархия, мятежники на окраине Мадрида, а их главарь – генерал Франко готовится к параду в столице.

В газетах было много фотографий из Испании. Тут и марокканские солдаты, и сам генерал Франсиско Франко. Вот он со свитой наблюдает в бинокль за ходом боя, на другом снимке – дети преподносят мятежному генералу цветы. Газета была за шестое ноября 1936 года.

– Одно меня успокаивает, – сказал Порохняк, – давно знаю, как брешут газеты панской Польши. – И стал читать вторую – за 16 ноября.

– И эта – врет, но не предсказывает скорого падения республики, – сказал он.

– Мы еще успеем... – заметил Павел.

Просматривая газеты, я невольно вспомнила начало фашистского мятежа.

Вспомнила, как вечером 18 июля 1936 года слушала испанского лектора Международной Ленинской школы, где я работала переводчицей. Вернулась домой усталая и, как обычно, включила радиоприемник. На этот раз вместо ожидаемой музыки услышала неожиданную и печальную новость: в Испании начался фашистский мятеж, поднятый реакционными генералами.

¹⁰ В 1930–1933 гг. И.Г. Старинов являлся сотрудником разведотдела штаба Украинского военного округа и участвовал в подготовке к партизанской войне. Подробнее об этой работе см.: Дюков А.Р. Работа по линии «Д»: довоенная подготовка партизанской войны в СССР // Старинов И.Г. Супердиверсант Сталина. Мины ждут своего часа. М., 2004. (Примеч. ред.)

Как только мы ни выражали своего возмущения, как только ни ругали организаторов мятежа испанские товарищи! Доставалось и другим руководителям республиканского правительства.

– Вот что получается, если вовремя не пресечь контрреволюцию! – заметил добродушный и жизнерадостный партийный работник из Андалузии – Филиппе.

На следующий день ничего угрожающего о положении в Испании в газетах не было. Но слушатели испанского сектора Ленинской школы волновались, как встревоженный улей. Из Мадрида радио вещало не веселую музыку, не репортажи о бое быков, а призывы к борьбе против фашистских мятежников, призывы к защите Республики, и уже передавались сводки о ликвидации отдельных очагов мятежа.

Народ встал на защиту своих завоеваний и, вопреки победным реляциям мятежников и их зарубежных вдохновителей, одерживал победу за победой.

Следующие дни принесли известия о разгроме мятежников в Мадриде, Барселоне и во многих других городах. Но на помощь внутренней реакции пришли итальянские фашисты. Они стали открыто помогать мятежным генералам, нарушая все общепризнанные нормы международного права. Началась фашистская интервенция.

Стало известно, что утром 20 июля, при взлете с аэродрома под Лиссабоном потерпел аварию самолет, на котором в Испанию летел глава мятежников генерал Санхурхо. Но генералов у них было много, и на его место вступил ставленник германских фашистов – Франсиско Франко.

Прославившись своей жестокостью в борьбе против марокканских повстанцев под предводительством Абдель Карима, за кровавые злодеяния в 1926 году Франко был произведен в генералы.

В 1934 году Франко принимал участие в расправе над астурийскими горняками и был назначен начальником генштаба, а после победы Народного фронта на выборах 16 февраля 1936 года, вопреки требованиям коммунистов, этого матерого фашиста не посадили за решетку, а послали военным губернатором на Канарские острова.

Между тем события в Испании развивались быстро и совсем не так, как нам хотелось. На долю трудового народа выпала нелегкая задача – подавить мятеж и отразить нашествие итало-германских полчищ, посланных в помощь Франко.

Но республиканская Испания не имела ни современного вооружения, ни преданных ей командных кадров. В то же время мятежники беспрепятственно получали из Италии и Германии самолеты, боеприпасы, оружие, целые войсковые части. Мятежникам также помогали и англо-американские нефтяные короли, снабжая горючим.

На защиту республиканской Испании встало массовое антифашистское движение во многих странах мира. Движимые чувством пролетарского интернационализма, в Испанию поехали добровольцы-антифашисты. Многие из них хорошо понимали, что над миром нависла грозная опасность.

В советской печати не было тогда сообщений о нашей военной помощи сражающейся Испании, но никто не сомневался, что СССР помогает не только испанским детям. Речь шла об отражении фашистской угрозы. И советские люди не могли стоять в стороне.

Август 1936 года был месяцем надежд и тревог, тяжелым месяцем для свободолюбивых испанцев. Жестокие расправы происходили над антифашистами в захваченных мятежниками городах и селах. Все прогрессивное человечество было возмущено злодеянием фашистов над населением Бадахоса, Балеарских островов, зверской расправой с великим поэтом Испании Фредерико Гарсиа Лоркой, расстрелянным в овраге под Гранадой в ночь на 19 августа.

В поезде, уносящем нас на Запад, я вспомнила и о том, как начался и мой путь в Испанию.

Вскоре после начала фашистского мятежа в Испании туда стали уезжать наши слушатели – испанцы, с которыми мне довелось работать. На прощание они приглашали нас приехать к ним.

Первым уехал мой однокурсник по институту Николай Андреев. Узнав об этом, и у меня зародилась мечта попасть в Испанию.

Я решила, что надо действовать по принципу «Не жди, пока пошлют, а сама добивайся». И я стала добиваться направления меня в Испанию в качестве переводчицы, как знающую английский и испанский языки.

Долго я добивалась осуществления своей мечты. Мое непосредственное начальство не обещало, но и не отказывало в моей просьбе. Наконец, я встретилась с ректором Международной ленинской школы Клавдией Ивановной Кирсановой¹¹.

Еще до прихода в школу я много хорошего знала о ее ректоре. Ну а потом не раз слушала ее яркие речи на собраниях и совещаниях, восхищалась обаянием и простотой ректора, энергией и общительностью. Это был настоящий руководитель ленинской закалки. Ректор пользовалась большим авторитетом и всеобщим уважением.

Клавдия Ивановна всегда была во главе коллектива школы и вместе с ним. На субботниках, во время демонстраций она была впереди. На всех вечерах она вместе со слушателями танцевала и пела.

Как сейчас помню, ректор идет мне навстречу. Здравоваемся. На красивом, смуглом русском лице загадочная улыбка. Справляется о здоровье, работе и семейных делах. Разговариваем о событиях в Испании, о нашей помощи испанскому народу.

– Вы проситесь в Испанию, а как с дочерью? – неожиданно спросила она.

– Я уже пригласила сестру. Она возьмет на себя заботы о дочери, а в случае, если не вернусь, то при Советской власти не пропадет, вырастит, выучит и воспитает.

– Ну а если бы вам предложили поехать в длительную командировку? – неожиданно спрашивает она.

– Всегда готова! – отвечаю.

– Хорошо, товарищ Обручева, учтем! Но пока все между нами, – с улыбкой говорит Клавдия Ивановна.

Шли дни. События в Испании широко освещались советской печатью. Я читала корреспонденции Михаила Кольцова¹², поражаясь мужеству испанцев и отваге автора.

И вот внезапно ко мне на квартиру приходит незнакомая женщина.

Представилась: Урванцева – и предупредила, что все, о чем пойдет речь, я не должна разглашать.

Вскоре она пригласила меня к себе на службу и попросила заполнить большую анкету.

¹¹ Кирсанова Клавдия Ивановна (1887–1947), советский партийный деятель. Член коммунистической партии с 1904 г. . . . Родилась в семье служащего Кулебакского завода. Исключена из гимназии за участие в революционном движении. Во время революции 1905 г. вела партийную работу в Пермской организации РСДРП. Подвергалась репрессиям; отбывала 4 года каторги. В Якутской ссылке вышла замуж за Е. Ярославского. В 1922–1924 гг. заместитель ректора Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова в Москве. В 1926–1938 ректор Международной ленинской школы. В 1938 возглавляла Отдел вузов Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. С 1941 работала в агитационно-пропагандистском отделе ЦК ВКП (б) лектором. С 1945 г. вела работу в Международной демократической федерации женщин, член Президиума Антифашистского комитета советских женщин. Награждена орденом Ленина и орденом Красной Звезды. (Примеч. ред.)

¹² Кольцов Михаил Ефимович (1898–1940), советский писатель и публицист. Во время гражданской войны в Испании корреспондент газеты «Правда»; впоследствии испанские газетные репортажи послужили основой книги Кольцова «Испанский дневник» (1938). В 1938 г. отозван из Испании, арестован. Расстрелян в 1940 г., реабилитирован в 1954 г. . . . (Примеч. ред.)

Урванцева внимательно прочла ее, ничего не сказала, но я уже догадалась, что это связано с возможной командировкой в Испанию.

Через несколько дней она вновь зашла ко мне и довольная сообщила:

– Ну вот и хорошо, что застала вас дома. Собирайтесь, пойдете к товарищам, которые хотят с вами побеседовать.

Это было так неожиданно, что я немного растерялась, но, глянув на полную, добродушную и улыбающуюся Урванцеву, успокоилась.

Через полчаса я очутилась в большом учреждении, недалеко от моей квартиры на Гоголевском бульваре¹³.

Разговаривал со мной высокий, статный, с крупными чертами лица и густой шевелюрой военный, как я потом узнала – Г.Л. Туманян¹⁴. Перед ним лежала моя анкета.

– Значит, вы готовы выехать в длительную командировку? – спросил он и ласково, по-дружески посмотрел на меня.

– Готова!

– А дочь?

– Устрою и дочь, родные и друзья присмотрят!

Недолго продолжалась наша беседа.

Гай Лазаревич был немногословен, но чувствовалось, что он уже многое обо мне знал, все было просто и ясно. Мы с ним тепло распрощались, и я поняла, что это не последняя встреча.

Меня опять предупредили, чтобы я никому ничего не говорила.

Прошло некоторое время, и я точно в назначенный час вновь была в кабинете Туманяна, где находился еще один незнакомец.

Нас познакомили, и я узнала, что меня назначают его переводчицей.

– Надеюсь, вы довольны, товарищ Порохняк? – спросил незнакомца Гай Лазаревич.

– Да, да!.. конечно, – как-то по-военному выпрямись и избегая моих глаз, ответил тот.

Глядя на своего будущего начальника, я еще не понимала, чем он будет заниматься в Испании.

Порохняк был в новом штатском костюме, и было заметно, что он его стесняет – в нем угадывался военный. Это, видимо, заметил и Гай Лазаревич.

– Вы теперь не военинженер 3-го ранга, – сказал он, – а гражданин... Александр Порохняк.

Вскоре нас, вместе с другими отъезжающими в Испанию, принимал комкор С. П. Урицкий¹⁵.

¹³ Речь идет о здании Разведуправления ГШ РККА, располагавшемся по адресу Гоголевский бульвар, дом 6. (Примеч. ред.)

¹⁴ Туманян Гай Лазаревич (1901–1971), советский военный деятель. Член коммунистической партии с 1917 г. В РККА – с 1924, в 1930–1935 гг. в распоряжении Разведывательного управления штаба РККА, работал в Китае. В 1935–1938 гг. начальник спецотделения «А» Разведупра. Участник гражданской войны в Испании. С 1938 – военный комиссар Военно-инженерной академии РККА. Во время Великой Отечественной войны – член Военного совета танковой армии. В 1957 г. – заместитель начальника Бронетанковой академии по политической части. С 1969 г. в отставке. (Примеч. ред.)

¹⁵ Урицкий Семен Петрович (1895–1938), руководитель советской военной разведки. Член коммунистической партии с 1912 г. В 1915 г. призван в царскую армию. В 1917 один из создателей Красной гвардии в Одессе. В Гражданскую войну командир и комиссар кавалерийских частей 3-й армии, начальник штаба 58-й дивизии, командир бригады особого назначения 2-й Конной армии. В 1920 – начальник оперативного отдела Разведывательного управления Полевого штаба РВСР. В 1922–1924 годах нелегально работал в Германии, Франции и Чехословакии. С 1924 – помощник начальника, начальник и комиссар Московской интернациональной пехотной школы. С июня 1927 – командир и комиссар 20-й стрелковой дивизии. В 1929–1930 гг. – заместитель начальника штаба Северо-Кавказского военного округа. В 1930–1931 гг. командир и комиссар 13-го стрелкового корпуса. В 1931–1932 гг. начальник штаба Ленинградского военного округа. В 1932–1935 гг. заместитель начальника Управления механизации и моторизации (с ноября 1934 – Автобронетанковое управление) РККА. В апреле 1935 г. возглавил 4-е (разведывательное) управление Генштаба РККА. В июне 1937 г. назначен заместителем командующего войсками Московского военного округа. Арестован 1 ноября 1937 г. по обвинению в участии в антисовет-

Семен Петрович предупреждал, что впереди много трудностей, опасностей, но мы должны обязательно оправдать оказанное нам высокое доверие.

Он вспоминал о больших испытаниях, которые наш народ перенес в войне против белогвардейцев и иностранных интервентов в 1918–1920 годах.

Заканчивая беседу, Урицкий сказал:

– Надеюсь, вы сделаете все, чтобы помочь испанскому народу защитить свободу и демократию в борьбе против фашистских мятежников и интервентов!

Переночевали в Варшаве, проехали через Чехословакию, в Вену. На следующий день экспрессом прибыли в Париж. Нас встретили и помогли ознакомиться со столицей Франции. Вечером 22 ноября мы наконец выехали в Испанию.

На испанской земле

О положении в Испании мы имели самые превратные понятия и очень смутно представляли обстановку, в которой там окажемся.

Рано утром поезд вынырнул из тоннеля, и мы увидели безбрежное Средиземное море, озаренное первыми лучами солнца. Оно медленно поднималось из-за горизонта, и на склонах гор уже были видны сады с мандариновыми деревьями и яркие красные цветы около домиков.

– Это в ноябре! – заметил Порохняк. – А каково здесь летом?..

За окном простиралась страна, которую я изучала в Институте, с людьми которой я уже была знакома по работе в Международной ленинской школе, а в вагоне уже слышалась испанская речь.

Поезд остановился. Маленький перрон заполнен встречающими.

– Салуд камарадас!

– Вива Руссия! Вива эл фронте популяр!

Цветы, много цветов, радостные возгласы приветствий, крепкие рукопожатия. Все волновало и трогало до слез.

На испанской земле я почувствовала себя как дома. Теплая встреча с народом, давшим первый вооруженный отпор наглому фашизму, сроднила нас.

Но не все здесь радовались прибытию добровольцев. На перроне я заметила человека с тоненькими усиками и черно-красной повязкой на шее. На ремне через плечо у него висел огромный пистолет, а лицо выражало не то недовольство, не то злобу. Это был один из многочисленных каталонских анархистов. Но тогда я еще не представляла, какой вред они наносят делу борьбы против фашистских агрессоров.

Городок Портбоу с северо-запада и востока прикрыт горами. На их склонах трудолюбивые крестьяне возделывали цитрусовые и виноград.

В ожидании поезда мы гуляли по городу, любовались бескрайним синеватым Средиземным морем. На горизонте, словно игрушечные, маячили неизвестно чьи суда. Из далекой Африки тянул теплый ветерок.

Если бы не люди с винтовками, не лозунги и призывы на стенах, не возгласы маленьких продавцов газет о первых победах над фашистами, трудно было бы поверить, что совсем недалеко идут бои, что Испанская Республика в смертельной опасности, а мятежные генералы пытаются огнем и мечом поставить на колени свободолюбивый испанский народ, установить в стране свою диктатуру. Предсказания буржуазной печати о скором падении Республиканской Испании, о быстрой победе мятежников не сбылись. Испанский народ не покорился, не сдался на милость мятежников и интервентов, в упорной борьбе неся тяжелые потери, отстаивал свободу.

Вскоре мы покинули гостеприимный Портбоу.

Море скрылось. Поезд шел в горы.

Сады, виноградники, рощи, цветы. На станциях флаги и знамена. Лозунги со стен призывают к борьбе с фашизмом.

Вечером мы приехали в испанскую жемчужину Средиземного моря – Барселону, столицу Каталонии.

Величественны ее зеленые бульвары, красивы площади и проспекты. Впечатляют большие заводы, длинные набережные и крупный порт.

Повсюду федеральные флаги Каталонии, алые полотнища Объединенной социалистической партии Каталонии, единой партии коммунистов и социалистов, черно-красные знамена анархистов и, куда реже, государственные флаги Испании.

В неповторимо красивом большом городе с миллионным населением жизнь была ключом. Все люди казались жизнерадостными. На улицах много зелени, цветов, музыки, слышны песни.

Город заполнили автомобили: десятками они стояли у кафе, баров, неистово сигналивая, сновали по улицам. На большинстве машин были флажки анархистов с надписью «FAI–CNT»¹⁶. Эти надписи пестрели на многих автомашинах, намалеванные сзади, спереди и по бокам. Меньше было машин с красными флажками и еще меньше – с государственными.

Здесь мы распрощались с Павлом-танкистом. В дороге мы так сдружились, будто были давно знакомы.

– Живы будем, обязательно встретимся! – сказал Павел, прощаясь.

– Встретимся, – подтвердила я, хотя в то время отнюдь не была уверена, когда это произойдет.

Мы действительно встретились, но об этом впереди.

В Барселоне мы заночевали. Администратор гостиницы нас предупредил:

– У нас очень строго со светомаскировкой, соблюдайте ее. Прежде чем включить свет, хорошенько зашторьте окна. Будьте осторожны и внимательны. – И, лукаво посмотрев на нас, добавил: – Если заметят свет, могут обстрелять.

Мне не спалось: с улиц доносились звуки сирен автомашин, музыка, пение, одиночные выстрелы и временами перестрелка.

Я вышла из номера.

Пожилая дежурная по этажу производила уборку.

– Сеньора, кто это стреляет? – спросила я.

– Возможно, пятая колонна¹⁷. Их люди иногда, особенно ночью, выползают из своих нор и нападают на народную милицию, а может быть, милицианос анархистас – для храбрости, – ответила та невозмутимо.

Вернулась в номер, не включая свет, приподняла штору и была поражена: по улицам, нарушая светомаскировку, двигались взад-вперед автомашины.

Поезд в Валенсию уходил после обеда, и мы еще раз вышли в город.

Барселона раскинулась амфитеатром по побережью бухты. Шла война, и в огромном порту было мало судов, хотя до мятежа их здесь бывало до пяти тысяч в год.

В старой Барселоне дома четырех-пятиэтажные, и даже двух-трехэтажные, с многочисленными балконами, кривые узкие улицы, где трудно, а иногда и просто невозможно разминуться и двум машинам.

В Новом городе – широкие улицы, красивые здания, аллеи и парки, много кафе, цветов и музыки.

¹⁶ CNT (Confederación Nacional del Trabajo, Национальная конфедерация труда) – испанская конфедерация анархо-синдикалистских профсоюзов. FAI (Federación Anarquista Ibérica, Федерация Анархистов Иберии) – боевое крыло CNT. (Примеч. ред.)

¹⁷ В начале октября 1936 года, перед наступлением на Мадрид, конкурент Франко на пост главнокомандующего мятежными силами, генерал Моле, заявил, что против Мадрида действуют пять колонн: четыре с фронта, а пятая – подпольная, в самом городе. Тогда Мадрид устоял от наступления всех пяти колонн благодаря героизму войск, защищавших столицу Испании, и помощи Советского Союза. С тех пор «пятая колонна» стала символом для фашистов, действовавших в тылу республиканской армии. (Примеч. ред.)

Что меня особенно поражало в Барселоне – на многих зданиях, занимаемых комитетами анархистов, – огромные, художественно выполненные портреты Бакунина и Кропоткина.

Треть города – «красное кольцо» – рабочие пригороды.

На некоторых улицах, у ряда предприятий на окраинах еще оставались баррикады из мешков с песком, из камней разобранных мостовых и даже в одном месте – из бутылок и бутылей.

На улицах былолюдно, но и тут война давала о себе знать. Продавцы газет напоминали о ней, выкрикивая сводки о положении на фронтах, заголовки очерков о боевых делах и подвигах; слышались песни о силе народа, о варварстве фашистов, о баррикадных боях прошлого. Теперь «красное кольцо» было хозяином всего, но черно-красные галстуки анархистов настораживали. Они выкрикивали много революционных и еще больше провокационных лозунгов.

– Иначе я себе представлял войну в Испании, – сказал мне однажды Порохняк, проходя мимо столиков кафе, вынесенных на улицу, где многочисленные военные с оружием и молодые люди спокойно и весело попивали кофе и вино и возбужденно разговаривали. Из музыкального автомата лились «Марсельеза», а потом – танго и фокстроты. Создавалось впечатление, что угроза миновала, что враг разбит.

В действительности шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Об этом мы знали еще до прибытия в Испанию, это подтверждали республиканские газеты и призывы на красных полотнищах.

На фронтах мужественный испанский народ с величайшей отвагой отражал фашистское нашествие, а в тылу самоотверженно работал на предприятиях, в сельском хозяйстве, стараясь обеспечить войска всем необходимым.

– В эти тревожные дни на фронте солдаты страдают от непогоды, голодают и умирают от ран, а тут в тылу – льется вино и звучит музыка. Многие забыли о тех, кто сражается, – заметил Порохняк.

Республиканское правительство находилось в Валенсии, там были и военные власти, и наши советники, к которым мы должны были явиться.

После полудня мы выехали дальше к цели командировки. Справа виднелись горы, покрытые зелеными деревьями и садами, слева – сине-голубое Средиземное море. Местами железная дорога проходила по самому его берегу.

Поезд часто останавливался на станциях, и только поздно вечером, преодолев 350 километров, мы прибыли в Валенсию.

Несмотря на поздний час, добровольцев встречали представители организаций Народного фронта. Объятия, цветы, приветствия. В отличие от встречи в Портбоу, здесь меньше было черно-красных повязок и галстуков – опознавательных знаков анархистов.

Город был погружен во тьму, слышались приглушенные гудки автомашин.

По пути в гостиницу мы воочию ощутили войну. Увидели ее последствия: повозки и тележки беженцев из занятых мятежниками районов, запряженные мулами или осликами с бедным скарбом, и самих беженцев с детьми; семьи батраков, рабочих, крестьян и интеллигентов, спасающихся от фашистского варварства.

Внезапно завывла сирена, предупреждая о приближении вражеских самолетов, прозвучали тревожные сигналы автомашин.

Для нас это была первая воздушная тревога, встреча с врагом.

Движение на улицах замерло. Одиночные машины с затемненными фарами, отчаянно сигналивая, пробегали по опустевшим улицам. Мы остановились у подъезда массивного тем-

ного здания. Ночь была теплая, звездная. Издали доносились раскаты взрывов. Наконец послышались длинные гудки отбоя, и улица стала оживать.

В ту ночь фашистские самолеты сбросили бомбы на окраины города. А солнечным утром продавцы газет, однако, кричали о победах республиканских войск. На площади торговали цветами, на многолюдных улицах слышалась музыка. Народ торжествовал: еще одно «наступление» мятежников на Мадрид отбито с большими для них потерями. Фашисты опять потерпели неудачу. «Но пасаран!» («Они не пройдут!») звучало не только как призыв, но и как уверенность в окончательной победе.

Радовался «успеху» испанский народ, радовались вместе с ним и мы. Я переводила Порохнюку фронтовые сводки, опубликованные в республиканских газетах. И тут он вспомнил, как польские буржуазные писаки из кожи вон лезли, доказывая, что дни республиканской Испании сочтены. Ложь и клевета, напечатанные крупными буквами, да еще с иллюстрациями, производили впечатление на неискушенных. Но все увиденное нами в Испании убедительно показывало, что буржуазная печать не только необъективна в информации, но – лжива и коварна, что ложь преподносится систематически.

Обрадованные новым поражением врага люди, может быть, забывали о том, что правительство Ларго Кабальеро не делало всего необходимого, чтобы завоевать победу, что международная реакция всячески срывала помощь республиканской Испании и помогала мятежникам и фашистским агрессорам, прикрываясь фальшивым лозунгом о невмешательстве.

Но в тот день все эти невзгоды не могли затмить победу героических защитников Мадрида. Всякая победа воодушевляет, но эта победа над разрекламированным реакционной печатью наступлением мятежников, как мы видели и слышали, вызвала ликование народа и укрепила его уверенность в окончательной победе над силами фашизма.

На следующий день нас с Порохнюком принял старший военный советник, которого все ласково называли «стариком», хотя было ему немного более сорока лет.

В дороге Порохнюк много рассказывал о ленинце, мужественном воине и талантливом разведчике – Яне Карловиче Берзине¹⁸, но я волновалась, идя на прием к нему, – и, как оказалось, напрасно. Все было проще, чем предполагала.

Порохнюк просился в Мадрид.

– Не выйдет! Обстановка изменилась. Оставляю вас здесь... Придется начинать с малого... – сказал «старик». Потом он говорил о потерях фашистов под Мадридом, о неприступности обороны столицы.

– Для вас важно то, что сплошной линии фронта на других участках нет, – заметил, улыбаясь, Ян Карлович.

¹⁸ Берзин Ян Карлович (латыш. Bērziņš Jānis; настоящее имя – Петерис Янович Кюзис (Pēteris Ķuzis), 1889–1938), руководитель советской военной разведки, армейский комиссар 2-го ранга. Родился в семье батрака-латыша. В 1905 году вступил в РСДРП. Активный участник революции 1905–1907 гг. В 1907 г. за убийство полицейского приговорён к 8 годам каторги, но ввиду несовершеннолетия срок сокращён до 2 лет. В 1911 г. снова арестован за революционную деятельность и сослан в Иркутскую губернию, откуда бежал. Во время Первой мировой войны призван в армию, откуда дезертировал. Работал слесарем на заводах Петрограда. Во время Октябрьского вооружённого восстания член партийного комитета в Выборгском районе и член Петроградского комитета. С декабря 1917 г. работал в аппарате ВЧК РСФСР. В январе – мае 1919 г. – заместитель наркома внутренних дел Советской Латвии. С декабря 1920 на службе в Разведуправление РККА. В марте 1924 – апреле 1935 начальник 4-го (разведывательного) управления штаба РККА. С апреля 1935 г. по июнь 1936 г. – заместитель командующего войсками Особой Краснознамённой Дальневосточной армии. В 1936–1937 гг. главный военный советник в армии республиканской Испании. В конце мая 1937 г. вернулся в СССР и вновь занял пост начальника Разведуправления. 1 августа 1937 снят с поста начальника Разведуправления с направлением в распоряжение Наркома обороны СССР. Арестован 27 ноября 1937 г. по обвинению в «троцкистской антисоветской террористической деятельности». Расстрелян 29 июля 1938 г. Реабилитирован посмертно в 1956 г. (*Примеч. ред.*)

В это время вошел помощник и доложил, что прибыли еще двое, назвав из фамилии.
– Очень удачно! – приветливо встречая их, сказал старший советник. – Знакомьтесь: Порохняк, Обручева, а это – Спрогис¹⁹ и Цитрон²⁰. Товарищ Порохняк, помогите Спрогису минами, их можно сделать на месте из подручных материалов, как обучали вы партизан в наших школах.

На прощание Берзин сказал:

– Народ испанский – очень хороший народ, ему надо помочь отстоять свободу и независимость. Пойдете к генералу Ивону, он все оформит.

По дороге Порохняк рассказывал мне о том, как Петр Кюзис (так в действительности звали Я.К. Берзина) весной 1906 года участвовал в налете с целью реквизиции средств для партийных нужд. Об этих операциях в латышском крае положительно отзывался В.И. Ленин. Во время этой операции Берзин был ранен и схвачен полицией. Тогда ему не было еще и семнадцати, и это спасло его от расстрела, но его запрятали в тюрьму.

Выйдя из заточения, Кюзис активно работал в Риге, сочиняя антиправительственные листовки и распространяя их. Его подпольная партийная работа была прервана новым арестом и высылкой в Иркутскую губернию. Началась первая мировая война. Петр Кюзис достал поддельные документы, превратился в Яна Карловича Берзина и бежал в Ригу, где продолжал работу в большевистском партийном подполье, участвовал в Великой Октябрьской революции, в вооруженной защите Советской власти.

Порохняк рассказывал о своих встречах с Берзиным в начале тридцатых годов.

– Берзин произвел на меня сильное впечатление. Что-то в нем было искреннее, обаятельное и в то же время такое решительное, что нельзя было забыть.

Когда позже мы узнали о подвиге Зорге, мне стала понятна и роль Яна Карловича в становлении этого героя-разведчика.

Вопреки нашим ожиданиям, генерал Ивон оказался советским человеком²¹. Он сделал все, чтобы Порохняк, как и сказал Берзин, сразу начал заниматься с небольшой группой

¹⁹ Спрогис Артур Карлович (Sproģis Arturs, 1904–1980) – сотрудник советской военной разведки. В РККА с 1919 г., после гражданской войны – на службе в пограничных войсках и органах ОГПУ-НКВД. В начале 30-х гг. участвовал в подготовке к партизанской войне в Белорусском военном округ по линии ОГПУ, начальник спецшколы, уполномоченный особого отдела ОГПУ БССР по линии «Д». Участник войны в Испании (конец 1936 – октябрь 1937), после возвращения в СССР – на работе в Разведуправлении. В начале Великой Отечественной войны – особо уполномоченный Военного Совета Западного Фронта по организации партизанского движения, одновременно начальник Оперативного диверсионного пункта по подготовке партизанских разведчиков и подрывников (в/ч 9903). В 1943–1944 гг. – начальник Латвийского штаба партизанского движения. (*Примеч. ред.*)

²⁰ Регина Цитрон – переводчица А.К. Спрогиса. Как вспоминал Лев Хургес, «приданная поначалу к группе Спрогиса переводчица Регина Цитрон, старая коммунистка, работавшая в подполье в Польше, по своему возрасту – за сорок лет, по здоровью и природным склонностям, оказалась непригодной для такой работы. Ее быстро забрали обратно и направили в авиацию в город Альбасете, а взамен прислали молодую девушку – Хосефу, в миру Елизавету Александровну Паршину» (*Хургес Л. Москва – Испания – Колыма: Из жизни радиста и ээка. М., 2011. (Примеч. ред.)*)

²¹ По всей видимости, «генералом Ивоном» являлся резидент НКВД в Испании Александр Орлов, курировавший вопросы ведения партизанской войны. В своих воспоминаниях И.Г. Старинов описывает «генерала Ивона» как «плотного темно-русого человека». Орлов Александр Михайлович (настоящее имя Лев Лазаревич Фельдбин, 1895–1973 гг.), советский разведчик. Участник Гражданской войны, в мае 1920 года вступил в РКП(б). В 1920–1921 сотрудник Архангельской ЧК, в 1921–1924 студент Школы правоведения при Московском университете, с 1924 на работе Экономическом управлении ГПУ, с 1926 – на работе в Иностранном отделе ОГПУ. Выезжал командировки во Францию, Германию, США, Италию, Австрию, Чехословакию, Швейцарию, Великобританию, Эстонию, Швецию, Данию. В частности, с 1934 года работал с Кимом Филби и «Кембриджской группой». В сентябре 1936 года был направлен в Мадрид в качестве резидента НКВД и главного советника по внутренней безопасности и контрразведке при республиканском правительстве. Принимал непосредственное участие в организации контрразведывательной службы республиканцев и создании школ для подготовки партизанских и диверсионных групп для действий в тылу противника. В июле 1937, после получения приказа прибыть на советское судно «Свирь» в Антверпене, бежал во Францию, а затем в США. В 1953 г. опубликовал в США книгу «Тайная история сталинских преступлений», в 1962 г. – «Пособие по контрразведке и ведению партизанской войны». На многочисленных допросах в ФБР сообщил ряд сведений о работе органов госбезопасности СССР, но не выдал известную ему

партизан и превратил Порохняка в Рудольфа Вольфа, а меня – в Луизу Куртинг. К сожалению, позже нам эта конспирация часто не только не помогала, но даже и мешала... Испанцы знали, что мы русские, и удивлялись тому, что мы не Иван и Мария, а Вольф и Луиза.

На следующий день мы с новоиспеченным Рудольфом спускались в холл гостиницы. День обещал быть жарким, и я надела шляпу. Перед входом в холл меня остановил охранник и вежливо сказал:

– Сеньорита, разрешите вам дать добрый совет. Снимите и оставьте здесь головной убор. Послушайте меня! А то, чего доброго, анархисты примут вас за шашистку, и тогда не оберётесь неприятностей.

Я вернулась – и раз и навсегда оставила шляпу. Надела черный берет.

Чемодан с минами

Позавтракав, выехали в расположение группы на окраину Валенсии и целый день занимались незнакомыми мне тогда ещё партизанскими делами: делали какие-то «замыкатели» и «взрыватели», потом ставили их. Занимались каждодневно будничным, многотрудным партизанским делом, обучая людей диверсиям в тылу врага.

В институте и в Ленинской школе мне не приходилось разговаривать на партизанские темы, тем более о минах, взрывателях, взрывчатых веществах. Я часто не могла быть точной в переводе, не было необходимого лексикона. Рудольф, видя, что обучаемые не делают того, что он ожидал, поправлял их, а когда те опять делали не так, как надо, сердился на меня. Я и сама нервничала, а потому получалось еще хуже. Еле дотянула до вечера. Возвратилась усталая и разочарованная. Думала: «Вот уж не повезет, так не повезет». Было заметно, что и Рудольф переживал, и не только потому, что я не знала многих военных и специальных технических терминов, но и потому, что все начинали с нуля, на голом месте.

На следующий день опять занятия, опять с чемоданчиками, полными взрывчатки и разных взрывателей и мин, которые Рудольф делал вечерами.

В штабе нам дали испанское наставление по минно-подрывным работам, но в нем не было многих слов и понятий, которые употреблял Рудольф. Не было ни о минах и замыкателях, ни тем более о зажигательных и других диверсионных средствах.

Наставление было написано казенным языком, с большим количеством непонятных для меня слов. Специального военного словаря не было, я тратила много времени, чтобы вместе с обучаемыми разобраться в этом новом для меня занятии, часто путала слова и понятия. Особенно трудно было, когда ставили мины с настоящими капсюлями. Такие маленькие, тоненькие медные трубочки, а как они сильно взрывались, дробя камни, перебивая доски; а толовые шашки, величиной всего с кусок детского мыла, перебивали рельсы.

– Поставил и ушел. Наедет машина или поезд – и подорвется, – доказывал Рудольф.

Ученики в возрасте почти 50 лет вначале весьма недоверчиво относились к минам Рудольфа, но когда взорвался запал в макете мины при подходе автомашины, полный и уже с проседью Антонио восторженно воскликнул:

– Формидавле! (Замечательно!)

И первый ученик, понявший значение и возможности мин, стал убедительно доказывать другим, в чем суть дела.

Постепенно обучаемые увлеклись минами, а Рудольф показывал все новые и новые.

Особенно заинтересовались минами двое: электромонтер Сальвадор и автослесарь Антонио, работавший до мятежа в Толедо. Высокий, худощавый, с сильно морщинистым лицом, в кожаной куртке и широких синих брюках, Сальвадор внимательно смотрел, слушал и спрашивал, когда что-либо не понимал. Он первый изготовил мину с кнопочным замыкателем, умело использовав спичечную коробку. На mine не было предохранителя, и Рудольф посоветовал ему обязательно вмонтировать надежный предохранитель.

Антонио на занятия приходил в своем потертом комбинезоне. Это он первый воскликнул «формидавле», когда мина сработала на учениях.

Вообще в группе были хорошие люди, горевшие желанием бороться против фашистских интервентов в их тылу, но и по возрасту, и по состоянию своего здоровья они были мало пригодны для действий в тылу врага в составе диверсионных групп, как предполагал Рудольф, которого испанцы стали называть Рудольфо.

В первое время в штабах нас не признавали. В уставах и наставлениях испанской армии партизанская борьба не предусматривалась, а потому и на довольствие наших людей не ставили. Наши пожилые ученики рассчитывали, что их перебросят в тыл мятежников тайно,

с документами, что они будут работать там строго конспиративно, в глубоком подполье. Рудольфо эти мечты заметно обеспокоили, однако тогда он ничего определенного о способах переброски диверсантов в тыл мятежников не сказал. Он только учил их устройству мин, делал эти мины сам, и делали их будущие партизаны.

Я переводила уже более уверенно. Обучаемые ставили мины, отходили в безопасное место и по команде при появлении «противника» производили взрыв капсуля.

Сумочка и маленький чемоданчик, которые приходилось возить с собой, с разными капсулями-детонаторами, взрывателями, вначале как бы жгли мне руки. Казалось, что они способны взорваться от толчка внезапно остановившегося трамвая, что нас могут задержать и найти у нас взрывчатку, а наши документы ни от чего нас не предохраняли. Но все шло благополучно. Взрыватели и замыкатели работали только там, где их устанавливали, и нас никто нигде не задерживал. Было трудно с материальными средствами. Группе деньги отпускались только на питание. Нам выдали зарплату, и на нее мы приобретали необходимые детали для изготовления замыкателей, взрывателей и зажигательных средств. Некоторые детали приносили обучаемые. Машины для выезда за город на практические занятия у нас не было. Обычно ехали до конца трамвая, а затем километра три шли пешком.

В свое время, по окончании Ленинградского института иностранных языков им. Енукидзе, мне очень нравилась профессия переводчицы. Работать приходилось с испанцами, а также латиноамериканцами, находившимися в Советском Союзе. Эти коммунисты, активные борцы против реакции, еще молодые, но уже закаленные в классовых боях. С ними интересно было работать, и моих знаний языка вполне хватало, чтобы переводить на политические и бытовые темы.

Совсем иначе сложилась моя работа в Испании. Рудольфо занимался партизанской подготовкой. Целые дни, а потом и в ночное время проводились практические занятия в поле. Главное – никаких конспектов у Рудольфо не было, не было и возможности заранее подготовиться к занятиям, посмотреть в словаре, записать новые слова. Рудольфо составлял заранее только план занятий, обычно на одной странице. Пособий у него не было. Все было в голове, но у него, как я увидела, был большой опыт преподавания, и он на память знал то, чему надо учить. Я узнала, что он обучал партизан и минеров уже более 15 лет, будучи начальником подрывной команды, учил партизан в спецшколах, учил слушателей в институте инженеров транспорта. Поэтому ему было легко, а мне трудно.

Встречаясь с переводчицами других советников, я им завидовала. Они работали в войсках общепризнанных и узаконенных, у них не было таких трудностей, как у нас. Они не ездили в трамваях с чемоданчиками, начиненными взрывчаткой, капсулями и взрывателями. Рудольфо тоже переживал, ходил к генералу Ивону, но тот не мог ничем конкретно помочь.

Генерала Ивона не надо было убеждать в возможностях диверсий в тылу Франко. Он это понимал прекрасно, но это нужно было доказать командованию Испанской Республиканской армии, которая только еще создавалась в ходе тяжелой войны.

Не сидели сложа руки и наши ученики. Поняв, в чем дело, они изложили наши нужды секретарю Валенсийского провинциального комитета Коммунистической партии Испании Антонио Урибесу. Тот пригласил нас для беседы.

Когда мы с Рудольфо вошли в кабинет Урибеса, там было несколько человек. Один из них – Мартнес – вскочил со стула, подбежал ко мне, обнял и, похлопывая по спине, восклицал:

– Анна! Ола! Кеталь? (Таковыми возгласами в Испании здороваются с хорошими друзьями).

Рудольфо стоял в недоумении, потом я ему объяснила, и он понял, в чем дело. Я знала так бурно приветствовавшего меня Мартинеса с 1935 г. по Международной ленинской школе, где он учился, а я работала переводчицей.

Таких встреч в Испании у меня было несколько.

Несмотря на звонки и заметную усталость, товарищ Урибес в беседе с нами выяснил наши возможности и нужды.

– Курсы, настоящие курсы и мастерскую нужно: мы сможем делать и применять новое и самое дешевое оружие для подрыва поездов, машин, самолетов, – убеждал Рудольфо.

– Все будет, обязательно будет! Будет у нас и хорошая регулярная армия, будут и партизаны, – перевела я слова Урибеса.

Урибес и Мартинес напомнили нам о сложной обстановке в республиканской Испании.

– Промышленность Каталонии способна обеспечить всю республиканскую армию боеприпасами и в значительной мере оружием. Но работает она далеко не на полную мощность, – сказал Уриес и после небольшой паузы добавил: – Буржуазные республиканцы, возглавляющие местное каталонское правительство, так называемые Хенералидад, не хотят по-настоящему, по-военному, делиться богатствами Каталонии с остальной Испанией. Особо большой вред приносят анархисты, выдвигая требования, невыполнимые в военное время, вроде соблюдения 8-часового рабочего дня. Сопротивляются они и созданию сильной регулярной армии. Среди анархистских лидеров много демагогов, есть и явные враги. Некоторые командиры анархистских отрядов занимаются даже созданием тайных складов, перехватывают транспорты с оружием и боеприпасами, направляемыми на фронт. Крича об анархии и неподчинении, анархистские вожди в своих отрядах проводят террор по отношению к тем, кто начинает прозревать и видеть необходимость сплочивания всех антифашистских сил.

– Есть среди анархистов и смелые люди, но и они часто действуют себе во вред, – вставил Мартинес. – Так, в Барселоне нашелся такой анархист, который в годы реакции, во время забастовки трамвайщиков, с небольшой группой проник в трамвайный парк, расположенный на холме, выключил тормоза нескольких трамваев, поджег их и пустил вниз. Паника поднялась большая, пользы не было, а вред колоссальный. Реакция закричала о бандитизме восставших рабочих.

Партийный комитет дал нам еще несколько человек и помещение в пригороде Валенсии Бенемамин, где нами была организована школа для подготовки кадров. Впоследствии эта школа стала нашей базой и своеобразным домом отдыха, куда могли приехать наши диверсанты после выполнения боевых заданий в тылу мятежников.

На следующий день нас с Рудольфо приняли в Центральном комитете партии, который охранялся в связи с действиями остатков пятой колонны и провокациями анархистов.

Когда мы вошли, Хосе Диас встал из-за стола и вышел навстречу. Крепко пожал мне руку. Я представилась, представила и Рудольфо. Диас пригласил нас сесть. Выглядел он усталым, но бодрым.

Рудольфо начал излагать свои соображения и предложения, возникшие при подготовке группы. Диас внимательно слушал мой перевод. Отвечал медленно, и мне было легко переводить. Иногда в знак согласия он кивал головой или говорил:

– Си, камарадас!

Во время беседы неожиданно вошла статная женщина в черном платье. До этой встречи мы не раз видели на фотографиях и сразу узнали Пасионарию. Рудольфо прервал свой доклад. Хосе Диас представил нас Долорес Ибаррури. Она приняла активное участие в нашей беседе. Говорила она быстро, и я не успевала всего переводить Рудольфо. Из беседы с руководителями Коммунистической партии Испании мы поняли, что ее Центральным комитетом ведется большую работу по развертыванию партизанской борьбы в тылу мятежников.

– Впереди много трудностей, – говорил Хосе Диас, – их нелегко преодолеть, но на то мы и коммунисты, чтобы не отступать перед ними.

На следующий день для школы отпустили необходимые средства. А главное – прибыли 12 человек под командой капитана Доминго Унгриня. Они приехали на трех легковых машинах и грузовике.

И тут я вспомнила слова Рудольфо, сказанные им в первые дни занятий с группой:

– Все будет. Будут и машины, и не одна. Машин в Испании много. Хватит и нам.

С прибытием группы Доминго прибавилось забот и работы. Опять учеба, практические занятия. Но мне было уже легче, да и Рудольфо так не нервничал. Теперь у него были помощники. Устройству и применению диверсионной техники помогали обучать вновь прибывших наши «старички» – наши «падрес» («папаши»).

Теперь мы выезжали на практические занятия на своих машинах и проводили их прямо на автомобильных и железных дорогах.

Был декабрь, а в «маленькой испанской Африке», как называли испанцы узкую полосу низменности Леванта (провинции Валенсия и Аликанте), примыкавшей к Средиземному морю и отделенной горами от остальных районов в стране, где даже ночью было тепло, а иногда – прямо-таки жарко.

Ясное голубое небо, жаркое солнце, и только изредка, после полудня, на большой высоте появлялись белые клочки облачков.

Стояла пора сбора апельсинов. Урожай отличный, но экспортировать фрукты было трудно – сказывалась блокада интервентов. Цены на апельсины были низкими, много плодов оставалось под деревьями, устила земля золотистым ковром. В перерывах между занятиями мы могли наслаждаться свежими, ароматными и вкусными, приятно пахнущими фруктами.

Под Валенсией мы любовались замечательной оросительной системой, построенной в течение сотен лет.

По каналам, питаемым горной рекой Турией, спокойно текла прохладная, живительная влага, которой орошались сады и огороды. Каналы виднелись и вдоль дороги, они расходились по полям и садам, а кое-где дорога проходила под каналами. В одном месте убирали кукурузу, а рядом сеяли пшеницу. Всего в 150 километрах южнее Валенсии, под городом Эльче, мы оказались в настоящих субтропиках.

– Как в Африке! – восхищался Доминго, любуясь красивыми, высокими пальмами.

И тут он не удержался от желания просветить меня и Рудольфо:

– Первые водохранилища и каналы построили еще мавры, завоевавшие Испанию. Потом систему полива и орошения стали развивать и испанцы. Климат в Испании самый различный: в горах на высоте более двух тысяч метров – снег, а внизу, в долинах – жара, но не хватает влаги, засуха. Вот если землю поливать, то в долинах, защищенных с севера высокими горами, при поливе можно получать два и даже три урожая.

Доминго остановился и обождал, пока я перевела сказанное Рудольфу, а затем продолжал:

– Одно дело построить водохранилища и каналы, а другое – распределять собранную воду. Каждый стремится побольше получить воды из каналов. Вот тут-то и был создан трибунал де агуас – «водный суд». Один на всю страну. Состоял он из 7 судей, которые разбирали все споры и распределяли воду. Решения этого трибунала были окончательные и обжалованию не подлежали.

– А где заседал трибунал? – поинтересовалась я.

– Заседал в Мадриде, в Соборе один раз каждую неделю, и так продолжалось пять или шесть веков.

Итак, любуясь каналами, рощами мандаринов и апельсинов, мы приехали к месту занятий. Но вместо занятий Доминго, посмотрев на часы, громко сказал:

– Есель темпо пара камида!

Что по-русски значило – «надо обедать».

Где бы нас ни заставала обеденная пора, чем бы мы ни занимались, испанцы в два часа пополудни обязательно напоминали о еде.

– Продолжим после обеда! – говорили они.

Как правило, выезжая на занятия, мы брали с собой и всё нужное к обеду.

Когда не было ночных занятий, к вечеру мы возвращались в Валенсию. Несмотря на тяжелую войну, на блокаду, третий по величине город Испании (перед мятежом его население составляло около 350 тысяч, а с эвакуированными из занятых противником районов и из Мадрида достигало до полумиллиона) вечерами не замирал: работали кинотеатры, варьете и бары, полны были кафе, где тоже звучала музыка. Утром город просыпался рано. Продавцы газет выкрикивали новости, шумел базар, и на улицах продавали много свежих, ярких и ароматных цветов. Работали многочисленные заводы и мастерские, многие из которых уже переключались на производство всего необходимого для нужд республиканских войск. Только в порту, втором по величине в Испании после Барселоны, у длинных причалов было мало судов.

В воскресные дни наши ученики показывали нам (мне и Рудольфо) достопримечательности Валенсии. Мы любовались зданием университета, основанного еще в 1500 году, в музее – картинами Гойи, Веласкеса и других испанских мастеров.

Красива и незабываема Валенсия! Но далеко не всем были доступны прелести этого благодатного края.

Однажды на занятиях на окраине города мы заметили торчащие из земли трубы, доски и среди них – ребятишек.

– Что это за пещерные люди? – спросила я Доминго.

– Рабочие. Они не смогли снять квартиру даже в полуподвале. Многие уже переехали в благоустроенные дома, реквизируемые у фашистов, но не все успели. Прибыло много беженцев.

В один из солнечных, теплых дней я зашла в одну из таких «квартир»-землянок. В ней было мрачно, сыро и душно. Тонкий луч солнца пробивался через единственное окно в потолке. Убогая мебель, если так можно назвать старый стул, врытый в землю, самодельный стол и две скамейки да шкаф, дверца которого упорно не закрывалась. Хозяин квартиры ушел в народную милицию бороться за то, чтобы рабочие никогда больше не жили в землянках, где голые каменные стены и вместо двери вход, закрытый фанерой, обитой старым половиком.

Молодая худошавая хозяйка встретила меня очень приветливо:

– Садитесь, пожалуйста! – Точно оправдываясь, она добавила: – Нет возможности иметь другое жилье! Городские квартиры нам не по карману, а обзавестись своим маленьким домиком мы не смогли. Муж рабочий, им мало платили, а налоги – и с земли, и с каждого окна и двери. Разобьем фашистов, переедем в хорошие дома, – уверенно говорила она.

Наше стрельбище Паттерну нельзя забыть. Как-то рано утром приехали мы туда на занятия и увидели около земляного вала мишени и трупы убитых людей. Среди них и старые, и молодые, хорошо одетые мужчины и женщины, дети и старики, с мозолями на руках – бедняки.

– Что это такое? – спросила я в ужасе у Доминго.

– Негодяи, жалкие трусы и убийцы! Это работа анархистов!

– Неужели на них нет управы? – спросил Рудольфо.

Доминго своеобразно махнул рукой и ответил:

– Нет! Правительство бессильно обеспечить соблюдение законов, а этим пользуются бандиты из анархистских колонн, да и пятая колонна.

И когда позже, вечером и ночью, я слышала выстрелы, мне казалось, что это опять анархистские бандиты делают свое грязное дело. Эти убийства не имели ничего общего с расстрелом контрреволюционеров, которые заслужили того своими делами. Этот бандитизм был на руку реакции. Ее печать могла кричать о зверствах и беззакониях в тылу республиканцев. По требованию коммунистической партии позже правительство положило конец злодеяниям черно-красных бандитов.

Паттерна была предназначена для обучения стрельбе. Мы изредка, при подготовке минеров, производили там взрывы небольших зарядов, мин и ручных гранат, учили и стрельбе из винтовок и пистолетов.

И тут мне очень помогла та военная подготовка, которую я получила в Ленинградском восточном институте им. Енукидзе, где я училась на латиноамериканском отделении историко-экономического факультета. Тогда я не представляла себе, что мое увлечение стрелковым делом мне так пригодится в будущем.

– Опять в яблочко! – восхищался Доминго, осматривая мишени. – Учитесь стрелять, как стреляют русские женщины! – добавлял он, обращаясь к своим диверсантам.

Стреляли мы и в ночное время, для чего приходилось наводить светящиеся точки на мушку и прицел.

Особенно увлекались ночной стрельбой Рубио (что значит белокурый) и Маркес, отличавшийся способностью видеть цель в темноте и умением быстро стрелять. Пробовали применять ночью подсвечивание, но признали, что это сильно демаскирует. Больше того, для маскировки придумывали разные способы уменьшения звука и пламени при выстреле, и тут на помощь пришли опытные водители машин Рубио и Пепе. Они сделали пистолетные и винтовочные глушители, но получились они больше самих пистолетов, и потому диверсанты редко брали их с собой, а потом и вовсе забросили.

– Лучше взять пару гранат замедленного действия, – говорил Маркес, – чем эту громадину.

Однако поклонники бесшумной стрельбы считали, что такими приборами можно незаметно снимать часовых.

Я пробовала стрелять с приставкой для бесшумной стрельбы, но у меня пропадала меткость, и вместо яблочка пуля часто уходила, как говорили, «за молоком».

Наряду с боевой партизанской подготовкой всех людей обучали оказывать первую медицинскую помощь при ранении или отравлении.

Первые занятия проводили врач, потом фельдшер, присланные Валенсийским комитетом коммунистической партии.

Я им помогала.

– Вы, товарищ Луиза, какие медицинские курсы окончили? – спросил меня врач.

– Училась в кружке РОКК, то есть Российского Общества Красного Креста, на курсах волостных женорганизаторов в Архангельске.

– Хорошо вас учили, – заметил доктор.

– Многое уже позабыла, это было давно, – ответила я.

Вскоре врач и фельдшер уехали на фронт, но наши занятия не прекратились.

Перед отъездом доктор вручил мне довольно полное и для меня вполне доступное пособие по оказанию первой помощи пострадавшим. Необходимые медикаменты у нас уже имелись, но первое самостоятельное занятие проводить было трудно. Приходилось много готовиться и часто обращаться к конспекту.

И все же занятия в кружке РОКК мне оченьгодились.

С прибытием группы Доминго Рудольфо больше стал заниматься тактикой действий в тылу противника.

Первые наши ученики освоили технику, рвались на работу в тыл мятежников, но на тактических занятиях некоторые из них задыхались при быстрой ходьбе, не только при подъемах в гору, но даже на ровной местности. Для вылазок в тыл врага «наши папаши», как их звали вновь прибывшие, явно не годились, и ЦК КПИ решил использовать ветеранов в качестве инструкторов.

В середине декабря Рудольфо и Доминго неожиданно вызвали в главный штаб и предложили готовиться к участию в операции по освобождению Теруэля.

Ликвидация Теруэльского выступа могла устранить угрозу выхода мятежников к Средиземному морю и расчленение территории, занимаемой республиканскими войсками, на две части. Занятие Теруэля привело бы к уменьшению линии фронта и к обеспечению надежных коммуникаций между Валенсией и Каталонией.

Нам было известно, что мятежники занимали только населенные пункты, расположенные вдоль железной и автомобильной дорог, связывающих Теруэль с тылом мятежников и интервентов. Республиканские войска к северу от Теруэля удерживали другие параллельные автомагистрали. Сплошная линия фронта была только непосредственно под Теруэлем.

Рудольфо и Доминго много сидели над картами, наносили по сводкам расположение войск мятежников, и я видела, что между кружками и полосочками оставались никем не занятые леса и горы.

Работая над планом действий, Доминго ругался иногда так, что было ясно и без перевода.

– Анархисты могут подвести. Эти бандитос никогда серьезно не воевали, а только вооружаются за счет республики, на которую они могут напасть с тыла, – сердито и громко говорил капитан под одобрение своих ближайших помощников Рубио и Буйтраго.

Рубио, опытный шофер, сильный, всегда в хорошем настроении, в республиканской униформе, с большим пистолетом за поясом, словно влюбленный ухаживает за своей «испано-суизой». Рудольфо, как правило, садится рядом с водителем, а мы с Доминго сзади. По городу Рубио ведет машину осторожно, но при малейшей возможности набирает скорость, а за городом любит обгонять.

Нередко Доминго брал с собой на занятия восьмилетнего сына Антонио. Мать сердилась, ворчала, но Антонио упрашивал, не прибегая к слезам. Я не видела, чтобы мальчик когда-либо плакал.

Антонио-младший, как прозвали в отряде сына Доминго, органически вошел в отряд.

Как сын кавалериста, он умело ездил верхом, и мать – полная, дородная и добродушная женщина – опасалась, чтобы ребенок не упал и не попал под копыта коня, а когда Доминго стал заниматься диверсионными делами, мать однажды из карманов сына извлекла запалы и даже патроны с желеобразной массой.

– Динамит! – прочитала она на патроне. – Динамит! Боже мой, да он себя на куски разорвет! До чего проклятые фашисты могут довести людей, что и дети с динамитом играют, как с куклой, – возмущалась мать.

– Оставь в покое мальчика! У него только макеты! Динамита нам и для диверсий мало, – убеждал капитан Унгрия свою жену.

Тридцативосьмилетний капитан Доминго худощав. Среднего роста, черноволосый и смуглый, он весьма вспыльчив, но исключительно энергичен и заботлив и, как я позже убедилась, очень смел. Он быстро подружился с Рудольфо, но технику осваивал медленно и вопросы задавал в основном по тактике. Техникой он вначале поручил заниматься другим,

но советник все же сумел заставить самого капитана минировать дороги и мосты. И тот скоро освоил эту науку.

Командир отряда, горячась, иногда даже напрасно, обижал своих людей, но те быстро забывали обиды и любили его за смелость, заботу о них, за то, что он мог достать то, чего не могли получить другие, что он никогда не давал своих людей в обиду, даже за его требовательность и строгость. Прощали ему даже вспыльчивость и прочие недостатки.

Помощник Доминго – Антонио Буйтраго. Ему минул 21 год. Богатырского телосложения, сильный, красивый и смелый, он уже не раз совершал вылазки в тыл противника. Недавно женился. Жена красива и ревнива.

Вместе с Антонио воюет его младший брат Педро, ему лишь восемнадцать, но у него, как и у старшего брата, пистолет с колодкой.

На занятиях присутствуют и все водители машин. Среди них двадцатитрехлетний Хуан с густой шевелюрой, небольшими усиками, которые не портят, но и не украшают его красивое лицо. Хуан весьма внимателен и аккуратен. Он вступил в ряды народной милиции вместе со своим «пежо». Другой водитель – Пепе. Низенький, кажется очень хрупким, но он классически водит свой «форд». Пепе, как это ни странно для испанца, не пьет вина и не курит, но зато ровно в 14.00 всегда показывает на часы и напоминает об обеде.

Вспоминается мне и черноволосый Маркес. Для испанца он излишне флегматичен. На занятиях он весь превращается во внимание, все хочет не только узнать, но и сделать сам.

Маркес внимательно слушал рассказы Рудольфо о партизанах.

– Вот это здорово! Три гранаты – и целый батальон под откосом! – восхищался он действиями сибирских партизан в тылу Колчака, о которых рассказывал Рудольфо.

– Научимся и мы! – вставлял свою реплику Рубио.

Мне приходилось много переводить вечерами. К счастью, на занятиях Рудольфо старался меньше говорить, а больше показывать, больше практиковать людей на дороге, в саду и в мастерской. Особенное внимание обращал на безопасность работ. Из инженерного склада он получил динамит. Пробовал в него стрелять – взрывается. Рудольфо стал его разбавлять машинным маслом и селитрой. Опять пробовали стрелять. От пули не взрывается, но действует слабее. Да и не всегда взрывался от капсуля-детонатора.

Первые вылазки в тыл мятежников

Наконец все приготовления закончились, и 13-го декабря 1936 г., после завтрака, когда солнце уже по-южному согревало землю, группа Доминго на трех легковых машинах и на одном грузовике выехала из Валенсии на Теруэльский фронт. Мы с Доминго и Рудольфо на машине Пепе, в багажнике два ящика динамита, столько же тротила положили на грузовик вместе с продуктами.

Проехав контрольно-пропускной пункт, Доминго задержал колонну, еще раз проинструктировал водителей. Проезжая через железную дорогу, Рудольфо предложил еще раз потренировать людей. Доминго согласился, и мне пришлось открывать свой чемодан с учебными минами. Они были быстро установлены, и машинист их не заметил. Никто не видел и слабых вспышек запалов в балласте. Закончив тренировку, мы по извилистой дороге поднимались все выше в горы. Солнце все так же ярко светило, но в тени уже было прохладно.

Чем дальше мы уезжали от побережья Средиземного моря в горы, тем становилось прохладней, тем меньше было садов, а когда мы перевалили через горы Сьерра де Гудар, оказались словно в другой стране. Никаких субтропиков, скудная растительность, на которой паслись стада овец.

Мы обогнали упряжку мулов. Два мула, шедших друг за другом, тащили высокий, груженный дровами фургон. Старый возница, увидев машины, перестал погонять животных, откинулся назад и, подложив деревянные тормозные колодки, приветствовал ехавших воинов. На его морщинистом лице расплылась радостная улыбка.

Под Теруэль прибыли к вечеру и расположились, согласно приказу, в селе Альфамбра, находившемся, как и Теруэль, примерно на километровой высоте над уровнем моря. Дома в селе толстостенные, каменные, но в них нет печей, а каминны не дают нужного тепла и поэтому внутри прохладно и даже холодно.

В селе было много бойцов других частей, которые должны были принять участие в штурме Теруэля. Бедно одетые крестьяне и крестьянки радушно принимали прибывших воинов, дети с любопытством рассматривали машины. Люди радовались, надеясь, что республиканцы скоро освободят Теруэль.

После захода солнца быстро похолодало, и все разошлись. Наша группа расположилась в доме бедняка. Пол каменный, потолок низкий, окна маленькие, а в середине, у внутренней стены закопченный камин. Ставни закрыты, в комнате холодно и мрачно. Хозяйка принесла немного дров, но мы не стали пользоваться камином, умылись и легли спать, выставив часовых.

Ночью я проснулась, услышав завывание ветра, потеплее укрылась и обрадовалась, что еще темно и можно полежать под пальто и грубым одеялом.

Утром завывала сирена воздушной тревоги. Скопившиеся в селе машины стали выезжать. Не растерялись и наши Пепе и Эмилио. Они быстро завели моторы и вывезли взрывчатку в поле.

Фашистские стервятники сбросили бомбы с большой высоты и промахнулись. Доминго сообразил, что при таком скоплении войск, как в Альфамбре, вражеские самолеты могут еще не раз бомбить, и после разведки мы передислоцировались в деревню Ориос, а оттуда, оставив группу, поехали к командующему войсками Теруэльского участка.

Командующий – анархист Бенедито – принял нас в присутствии других командиров. Выслушав Доминго, он косо посмотрел на меня и Рудольфо и небрежно поздоровался. Разговор был коротким. Командующий поставил задачу: быть готовым захватить «языков» и разрушить связь. Доминго предложил провести диверсии на железной и автомобильных доро-

гах, по которым гарнизону Теруэля могли на помощь прийти войска. Бенедито согласился, но при условии, что будет разрушена связь.

На Теруэльском фронте я встретила знакомую мне по работе в Международной ленинской школе Нору Чегодаеву²². Она работала переводчицей у советника – инспектора артиллерии республиканской армии – Вольтера (будущего главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова²³).

Нора Чегодаева была весьма квалифицированной переводчицей. Она хорошо знала испанский, французский и немецкий языки, что ей в Испании очень пригодилось, так как в интернациональных бригадах многие командиры не знали испанского языка.

Позиции республиканцев под Теруэлем расположены в горах. Небо безоблачное – настоящее испанское, напоминающее кисловодское. Зимой на солнце тепло, даже жарко, ночью холодно. Валенсийцам это не нравится.

– Холодно! – говорил Доминго. – Это не в моем вкусе.

Чегодаевой, вместе с советником, приходилось много бывать на переднем крае, в горах, где ветер был особенно пронизывающим, было трудно работать вообще, а под Теруэлем эти трудности дополнялись еще холодом. Я тоже при выезде оказалась одетой по-летнему, а здесь уже была зима, и на вершинах лежал снег.

Доминго пришлось посылать машину в Валенсию за теплыми вещами, апельсинами и другими продуктами.

Я вполне разделяла сетования валенсийцев и андалузцев на природу под Теруэлем, а Рудольфо, точно назло, восторгался ландшафтом.

– Здесь благоприятные условия для первых вылазок, – говорил он испанским товарищам, которые сидели у камина, спасаясь от холода, – плоскогорье без крутых гор, сплошного фронта нет, население редкое, есть леса, еще не все листья опали с деревьев, а что Теруэльская провинция одна из самых отсталых и бедных в Испании, то это даже для нас в данное время выгодно: у врага всего одна железнодорожная и одна автомобильная магистраль и населенные пункты по ним редки.

– Но хуже другое, – возразил Доминго. – Под Теруэлем отряды милиции в большинстве под командованием и влиянием анархистов, и мне еще не удалось найти нужных нам проводников, а из наших людей никто не знает местности.

Действительно, подыскать проводников было трудно. При беседах с кандидатами надо было соблюдать конспирацию и не говорить о цели наших вылазок. Проводники были нужны надежные, которые бы не струсил, не отказались от работы в последний момент и не продали нас противнику.

Только через сутки удалось найти двух проводников-анархистов, знакомых с местностью и не раз ходивших в тыл врага.

Утром 16 декабря в расположение нашей группы на запыленном «пежо» приехал нарочный от командующего. Низенький, черноволосый, чубастый анархист с большим

²² Чегодаева Нора Павловна (1905–1971 гг.) – сотрудница советской военной разведки. Выпускница военной академии им. М.В. Фрунзе, участница войны в Испании. В 1943 – начальник Центральной женской школы снайперской подготовки. (Примеч. ред.)

²³ Воронов Николай Николаевич (1899–1968 гг.), советский военачальник. В коммунистической партии с 1919 г., в РККА – с 1918. В 1930 окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, назначен командиром артиллерийского полка 1-й Московской Пролетарской дивизии. С апреля 1934 г. начальник и военком 1-й артиллерийской школы. В конце 1936 г. направлен в Испанию старшим советником по артиллерии при руководстве республиканской армии, в июне 1937 отозван в Москву. В 1937–1940 гг. начальник артиллерии РККА, с июля 1940 – первый заместитель начальника Главного артиллерийского управления по боевой подготовке. С июня 1941 начальник Главного управления ПВО, затем начальник артиллерии РККА, заместитель наркома обороны. В 1950 г. назначен на пост президента Академии артиллерийских наук. (Примеч. ред.)

пистолетом в деревянной колодке без стука вошел в комнату, где Доминго с Рудольфо и с проводниками обсуждали возможные варианты выхода в тыл мятежников.

– Салуд камарадас! – поздоровался он и продолжал: – Капитан Унгрия, немедленно поедем к командующему – товарищу Бенедито.

Доминго спокойно встал, как-то лукаво посмотрел на прибывшего и сказал:

– Хорошо. Сейчас поеду!

Он тут же вызвал Рубио, и мы вместе с ним поехали в штаб командующего Теруэльским участком. При первой возможности Рубио обогнал «пежо» нарочного, и скоро тот безнадежно отстал.

К командующему Доминго вошел вместе с нами.

На этот раз Бенедито был в приподнятом настроении, встретил нас приветливо и даже предложил сесть.

Он тихо, точно опасаясь, что его услышат посторонние, спросил Доминго:

– Вы готовы к вылазке в тыл врага?

– Вполне готовы! – также тихо ответил Доминго.

Командующий пристально посмотрел на капитана, наклонился к нему поближе и уже почти шепотом сказал:

– Сегодня выступаете и завтра к четырем утра выводите из строя линии связи, идущие вдоль автомобильной и железной дорог в 20–25 км севернее Теруэля. Столбы подорвать, а провода перерезать, обе дороги закрыть.

Доминго хотел что-то сказать, но командующий на него так посмотрел, что тот остановился на слове: «Ми...»

– Главное – разрушите связь! – потребовал Бенедито и пожелал успеха, давая понять, что все указания даны и мы должны уходить.

Через полчаса мы уже были в Ориосе. Рудольфо и Доминго решили в первую вылазку взять 12 человек, остальных оставить в резерве. Назначенные в поход приступили к подготовке. Я увидела, что и Рудольфо стал переобуваться в свои альпаргатас (полуботинки с матерчатым верхом и подошвой из веревки).

– Тоже собираешься идти? – спросила я своего начальника.

– Да! – ответил Рудольфо, продолжая прилаживать альпаргатас, точно речь шла об очередном выезде на занятия.

– А почему не предупредил? Неужели думаешь пойти без меня? – обиженно сказала я. – Ведь ты без меня точно глухонемой: слышишь, но не понимаешь, что говорят испанцы, им можешь говорить, а они тебя не поймут. Без меня, да еще ночью, группе от тебя пользы не будет.

Рудольфо не ожидал такого оборота дела и ничего не мог сказать в оправдание...

– Я твоя переводчица и пойду с тобой, – заявила я и стала переобуваться в свои альпаргатас.

Когда я уже была готова к походу, ко мне подошел Доминго и начал очень ласково:

– Луиза, не ходите с нами. Это неженское дело. Моя Росалия не думает ходить.

– Слушай, Доминго, я ехала в Испанию не на пляже купаться, и ты уже знаешь, – ходить ночью для меня дело привычное. Выросла я на севере, приходилось много ездить по лесным дорогам и ходить пешком по лесу, иногда одной и без оружия, а тут у нас пистолеты.

– Но здесь нас могут заметить мятежники.

– Надо так ходить, чтобы не заметили. Две недели тренировались в своем тылу, а теперь будем сдавать экзамены на зрелость. А мятежников и интервентов я тоже видела. В 1918 году в наших краях вместе с белыми, то есть мятежниками, появились и английские интервенты. Я тогда батрачкой работала. Богатеи радовались, помогали им, а беднота, сколько ни пугали ее зверствами красных, не пошла за белыми.

– Пошли в Красную Армию или в партизаны? – спросил Доминго.

– В нашем селе партизан не было, не было и боев, англичане, как начинало темнеть, сидели по домам и близко никого не подпускали, а охраняли их белые, которые с ними были, да и те ночью из деревни никуда не выходили.

– Значит, боялись ночи. Это очень хорошо, – согласился капитан.

Мое участие в походе доставило много неприятностей Доминго: никто не хотел оставаться на базе.

– Женщина идет, а мы что... – говорил Сальвадор.

По пути заехали в штаб узнать обстановку. Тут нас в походном виде заметили командующий и советник Колев²⁴.

Колев отозвал Рудольфо и меня в сторону.

– А вы зачем сами идете? – спросил он Вольфа.

– Первый раз обязательно надо.

– Ну а если вас захватят мятежники?

– Фронта сплошного нет. Преследовать по следу не дадим. Есть гранаты замедленного действия, а к утру вернемся, – ответил Рудольфо.

– Не собираетесь ли и вы, Луиза, с ними идти, что так оделись? – спросил меня Колев.

– Как видите, собралась! Рудольфо без меня что глухонемой!

– Ну и дали вам хозяина, – посочувствовал Колев.

На прощание он пожал нам руки, пожелав успеха.

С Владимиром Яковлевичем и его переводчицей Лялей Константиновской²⁵ на Теруэльском фронте я встречалась не раз.

Когда я ей однажды пожаловалась на холод в помещении, где мы расположились, Константиновская ответила:

²⁴ Псевдоним В.Я. Колпакчи. Колпакчи Владимир Яковлевич (1899–1961), советский военачальник. Родился в Киеве в семье служащего, после окончания гимназии поступил на юридический факультет Киевского университета, осенью 1916 г. был призван на военную службу, участник Первой мировой войны. В Красной Гвардии – с 1917, участник штурма Зимнего дворца. В 1923 году участвовал в боевых действиях против басмачей. С 1924 по 1936 год занимал должности командира полка, начальника штаба, командира стрелковой дивизии, заместителя начальника штаба Белорусского военного округа. В 1936 году направлен в специальную командировку в Испанию. В марте 1938 года вернулся на Родину на должность командира 12-го стрелкового корпуса. В декабре 1940 года назначен начальником штаба Харьковского военного округа. Во время Великой Отечественной войны – начальник штаба 18-й армии, заместитель командующего 4-й ударной армией, командующий 7-й резервной армией, 62-й, 30-й, 63-й, 69-й армиями. После войны командовал войсками Бакинского военного округа (июль – август 1945), 40-й, 1-й Краснознаменной, 6-й армиями, войсками Северного военного округа (май 1954 – январь 1956). С августа 1956 года – начальник Главного управления боевой подготовки сухопутных войск. (*Примеч. ред.*)

²⁵ Дороги, которые привели переводчицу Елену Константиновскую в Испанию, были довольно причудливыми. «Весной 1934 г. Шостакович познакомился со студенткой-филологом Еленой Константиновской, выполнявшей обязанности переводчика на встречах с иностранными музыкантами. В отличие от Нины Васильевны (первой жены Шостаковича), равнодушной к нарядам, Константиновская одевалась элегантно, культивировала свое изящество, женственность, тонкость. Летом 1934 года он стал брать у нее уроки английского языка. Кончилось это бурным романом с ежедневными письмами Шостаковича к Ляле (так он её называл в письмах) во время их разлуки, когда Шостакович уехал в концертную поездку в Баку. Константиновская эти письма сохранила и в 1975 г., когда она преподавала в Ленинградской консерватории иностранные языки, предоставила для обнародования... В 1935 г. Шостакович стал появляться с Константиновской открыто на спектаклях, концертах, приходил к ней домой на Кировский проспект. Тогда же он написал письмо с просьбой о разводе жене Нине, уехавшей с матерью в Дом отдыха Академии наук... Она дала согласие на развод. Но Шостакович вдруг заколебался. Спустя сорок лет Константиновская так рассказала о грустном финале их романа: «Я была измучена. Наконец он решился. Всё было как в дурном романе. Я прождала до глубокой ночи. Позвонила ему. Жена ответила: «Дмитрий Дмитриевич остается дома». На этом всё кончилось...» А на Константиновскую обрушились несчастья. По ложному доносу её исключили из комсомола и арестовали. В тюрьме она получила открыточку от Шостаковича (написать подобную открыточку было в те годы делом далеко не безопасным для пишущего). Константиновской повезло, шел еще только 1936 год и, разобравшись в её деле, Константиновскую выпустили – тогда еще отпускали. Шостакович пришел к ней домой с альбомом вырезок из газет с разносными статьями о его творчестве. Это было после знаменитой статьи в газете «Правда» о сумбуре вместо музыки. Шостакович тогда сказал Константиновской: «Вот видите как хорошо, что Вы не вышли за меня замуж». Константиновская попросилась в Испанию, где шла гражданская война. Там она познакомилась с выдающимся кинорежиссером-документалистом Романом Карменом и, выйдя за него замуж, стала Кармен» (*Хентова С. Удивительный Шостакович. СПб., 1993*). (*Примеч. ред.*)

– Холод – это плохо, но от холода можно укрыться, а вот мне приходится со своим «неистовым» советником днем по бригадам ездить, а ночью над планами вместе с испанскими командирами сидеть. До того недавно доработалась, что пришлось разрезать боты, так от переутомления распухли ноги!

Меня поражало, сколько энергии и мужества в этой маленькой, такой еще молоденькой девушке, какой она оставалась бодрой при большой перегрузке в работе и неудачах на фронте, совсем такой же, как неутомимый Колпакчи.

Мы ехали машиной на участок, откуда должны были идти на операцию. Я была полна раздумий и очень далека от оптимистических настроений.

Все случилось внезапно. Готовили людей, но никогда с Рудольфо не было даже разговора, что мы пойдем вместе с испанцами в тыл мятежников. Я знала, что он был в тылу у Деникина, в окружении, пробирался в свою часть пять суток и чуть было не влип при переходе через линию фронта, переодевшись под местного крестьянина; знала, что он обучал партизан диверсиям еще до Академии; но в тыл противника, да еще в чужой стране, он шел впервые.

Правда, у него нет семьи, и сирот не останется.

Рудольфо говорил, что, хотя не родился в рубашке, но уверен в успехе, так как «наша союзница – ночь». Я тогда не знала, что ему много раз доводилось перебрасывать разведчиков через границу.

Незаметно мы прибыли к штабу батальона. Тут Доминго и Рудольфо, с участием проводников, договорились с комбатом и направились к позициям роты, откуда нам предстояло идти в тыл мятежников.

Передний край оказался совсем иным, чем я представляла по военной подготовке в институте... Никаких окопов. Солдаты размещались в одинокой пустой избе пастуха. Вдали, по направлению к мятежникам, лес и... неизвестность, но командир роты утверждает, что фашистский заслон находится в другой пастушьей избе, километрах в двух западнее, и можно пройти незаметно даже в светлое время.

– Выделите ваших проводников, – попросил Доминго статного на вид, чисто выбритого командира роты с черно-красным галстуком.

– Нет приказа! – коротко ответил анархист, дымя сигаретой, и проводников не дал. Капитан выругался и приказал людям перекурить.

Вместе с командиром роты и нашими проводниками мы несколько минут осматривали местность в бинокль.

Впереди виднелся казавшийся густым темный лес. Перед ним на плоскогорье только редкие маленькие кустики, когда-то объединенные овцами.

– Засветло можно незаметно пройти по сухому руслу ручья до самого леса, – перевела я Рудольфо слова одного из проводников.

– Можно и засветло, – согласился Рудольфо. – Надо только договориться с командиром роты.

Анархист обещал обеспечить безопасность нашего выхода с позиции его роты.

До наступления темноты оставалось еще более часа, когда мы покинули пастушью избушку, где находилось небольшое подразделение анархистов.

Шли, пригнувшись, по сухому руслу ручья. Впереди проводники и два наших разведчика, за ними капитан Унгриня, Рудольфо и я, за мною Рубио с ручным пулеметом, а в хвосте колонны высокий Антонио Буйтраго.

На спине у каждого белые лоскутки с привязанными к ним гнилушками, чтобы ночью сзади идущим были видны те, кто шел впереди. Пистолетами и ножами вооружены все, но у большинства еще и карабины.

Посредине высохшего, извилистого ручья кем-то была протоптана настоящая тропинка. Изредка присаживались, чтобы нас не было видно, а разведчики и Доминго с Рудольфо просматривали местность.

– Все хорошо, – сказал Рудольфо, опуская бинокль. – Теперь многое зависит от надежности проводников. Эти малограмотные крестьяне гордились своей принадлежностью к ФАИ – Федерации анархистов Иберии. Больше того, они агитировали наших людей... переходить в анархисты.

– Нам нужны проводники, хорошо знающие местность и обстановку в тылу врага, не будем их агитировать, чтобы ушли от нас, – говорил Доминго Буйтраго, который рьяно взялся за воспитание проводников. – Если надо, разведчиков одевают в форму противника. Они ратуют за черно-красные повязки, так пусть некоторые наши люди их наденут, пусть анархисты считают, что их агитация имела успех, – наставлял капитан своего помощника.

Ко времени выхода в тыл мятежников Маркес первым делом надел черно-красный галстук и стал пользоваться полным доверием проводников-анархистов.

Короткие сумерки и темная, безлунная ночь, да и звезд не было видно.

С наступлением ночи лес, к которому мы шли, растворился во тьме. Продвигались все медленнее, чтобы ничем не выдать себя. Но вот проводники остановились.

– Опасно! Близко лес! Там может быть враг! Надо выходить из долины. Перед лесом может быть ловушка, – прошептал один из проводников. Другой его поддержал. Я перевела сказанное Рудольфо.

– И что они предлагают? – спросил тот.

– Надо выйти из долины ручья и идти осторожно по самому краю берега и, как только начнет подниматься в небо вражеская осветительная ракета, свалиться на землю и там замирать, пока не погаснет, – перевела я предостережение старшего проводника.

Идти вдоль ручья оказалось труднее. Тут уже не было найденной тропинки, встречались многочисленные промоины и другие неровности. Шли медленно, осторожно ступая, но нет-нет, да кто-нибудь попадет в углубление или заденет за обнаженный корень и даже упадет. А каждый шум мог нас выдать противнику.

Скоро мы должны были войти в таинственный лес. Напряжение усиливалось. Мне казалось, да и, видимо, другим, вот-вот может взвиться предательская ракета, и что тогда делать небольшой группе вдали от своих войск?

– Наконец мы в лесу! – шепнул мне Рудольфо и впервые крепко пожал мне руку. Наверное понял, что, не зная языка, он без меня был бы действительно подобен глухонемому.

– Передай капитану, чтобы остановился на минутку, – попросил он меня.

На опушке всё точно замерло. В ночной тишине слышался шорох высохших, но не опавших еще листьев. Возможно, где-то близко – посты врага. Еще раз напоминаем о соблюдении тишины и маскировки, о сигналах. Идем почти бесшумно. Впереди, точно светляки, мелькают прикрепленные на спинах гнилушки.

Когда кто-либо нарушит тишину, останавливаемся, прислушиваемся – и снова в путь.

В лесу идти было еще труднее. Корневища деревьев выступают над землей, кое-где валяются сучья. Ничего не видим, и нужно выше поднимать ноги и плавно их опускать, чтобы не удариться о корень.

Рубю, привыкший ездить на машине, споткнулся и упал. Остановились. Все тихо. Опять вперед...

Проводники шагают бодро. Они уже не раз ходили этим путем навещать родных и близких, оставшихся на занятой мятежниками территории, и уверяют, что им известны все посты и засады фашистов.

– Наибольшая опасность осталась позади, на опушке, – говорят они.

Рудольфо и Доминго тоже идут уверенно. Не знаю, о чем они в то время думали, да и позже на эту тему не говорили, но в начале похода у меня было впечатление, что идешь в грозное неизвестное, и сначала было страшно. Вот такие минуты пережила я однажды, когда переходила по узкой доске через глубокую, быструю речку. Доска прогибалась, казалось, вот-вот соскользнешь в воду... Но раз пошла – отступать некуда.

Чем дальше мы углублялись в тыл врага, тем увереннее шли. Часа через два остановились отдохнуть и закусить.

Вокруг царило мрачное безмолвие. Ночь, темно и тихо.

Заядлые курильщики просят закурить. Им разрешают, но с соблюдением маскировки, укрывшись с головой куртками. В воздухе запах табака, но не видно тлеющих папирос, не заметно вспышек спичек и зажигалок. Этому научили на занятиях... Ночной холодок быстро освежает, а потом заставляет и укрываться.

Вдруг тишину нарушили далекие винтовочные выстрелы. Через несколько секунд издали донеслась кем-то выпущенная пулеметная очередь, и все замерло. Это мне, да возможно и другим, напомнило об опасности.

Рудольфо сел рядом, угощая меня горячим кофе, бутербродами и шоколадками. Опять донесся далекий одиночный выстрел, но все спокойно продолжали отдыхать.

– Наша союзница – ночь! – шепнул Рудольфо. – Мятежники не знают, что мы здесь спокойно отдыхаем, – и он продолжал пить кофе.

Дул ветерок, прислушиваясь к нему, я вспомнила свой родной Север, вынужденную ночевку в глухом лесу, где я искала двух коров и теленка хозяина, у которого батрачила.

Заблудилась, и ночь застала меня в лесу. Шел дождь, и мне пришлось набрать кучу мха, чтобы закрыться им. Так и просидела всю ночь. Вот когда я набралась страха! Вокруг пугающие шорохи, крики ночных птиц и зверей, а у меня всего только палка. Хотела забраться на дерево, там безопаснее, но мешал дождь. Я зарылась в мох, но уснуть не могла. На рассвете залезла на дерево, осмотрелась и нашла дорогу.

Теперь во вражеском тылу, на ночном привале, мне уже не было так страшно.

Рудольфо шепчет: «Пора идти». И я перевожу. Доминго подает команду.

Линия фронта далеко позади, но мы не ощущаем близости противника, уже полностью доверяем проводникам, и поэтому все себя чувствуют свободнее.

Тропинка узкая, передвигаемся гуськом. Я между Доминго и Рудольфо, чтобы переводить, приходится оборачиваться.

Альпартаты – незаменимая обувь в горах, они не скользят и бесшумны, в них шагаешь мягко, словно кошка. Как назло, по пути переходили вброд не очень широкий, но довольно глубокий ручей. Ничего не могли найти подходящего, чтобы сделать подобие мостика.

Наши тряпичные башмаки мгновенно промокли. Ноги начали зябнуть. Тому, кто очень мерз, на остановках Доминго давал глоток коньяку прямо из горлышка. И опять в путь. На следующем привале кто-то сказал:

– Может, разжечь костер?

– Ты с ума сошел, – возразили другие. – Нельзя!

И снова шли, спотыкаясь.

– Эх, и тяжела дороженька, – со вздохом сказал Педро.

– В своем тылу ты был героем, а теперь – ноешь! – сказал Антонио своему брату. – Трудностей впереди еще будет много. Может, придется лазить по горам, да еще под пулями.

– Как тебе не стыдно! – сказал ему Рубио. – С нами идет женщина и молчит, а ты, подлец, ноешь!

Делаем еще один небольшой привал. К трем часам ночи выходим к автомобильной дороге Теруэль – Каламоча. Метрах в ста от дороги присели и перекусили.

Вскоре на севере появилась пара огоньков. Они приближались, вначале медленно, а потом все быстрее. Мимо пронеслась легковая автомашина, и мы наблюдали за ее убегающими красными огоньками. По команде, как на ночных занятиях, пошли минировать.

Группа Доминго должна была разрушить связь и подорвать небольшой мост. Ширина дороги около 10 метров, мостик невысокий, однопролетный, железобетонный.

– Мало взрывчатки! Что будет делать? – спросил Доминго, когда мы остановились под мостом.

Рудольфо ответил не сразу. Он измерял размеры балок. Потом подвел капитана к опоре и сказал:

– Минируйте так, как делали это на занятиях с железобетонным мостом на дороге Валенсия – Альбасете, да только побольше положите камней для забивки.

– Согласен, – ответил Доминго и добавил: – Здесь можно сделать хорошую забивку, много камней.

– Легковая! – вдруг предупредил Рубио.

Все затаились. По дороге над нами промчался автомобиль. Доминго со своими людьми приступил к работе, а я, Рудольфо и часть группы, переждав еще одну машину, направились к железной дороге вдоль высохшего ручья.

Шли около 10 минут, часто прислушиваясь, но все было спокойно. Мост на железной дороге оказался таким, каким его обрисовали наши проводники, – металлическим, длиной около 8 метров. Быстро установили заранее изготовленные заряды и принялись за столбы линии связи. Времени у нас было в обрез, спешили, а в спешке не все ладилось. Нам никак нельзя было задерживаться. На мосту были уже подожжены зажигательные трубки.

Все, кроме одного, собрались у столба, от которого в обе стороны расходились минеры. Не было только Мигеля.

– Что могло с ним случиться? – думала я. – Он должен был минировать четвертый, последний столб справа. А тут со стороны Теруэля показали огни автомашин.

– Пошли к Мигелю? – перевела я слова Рудольфо, но в это время Мигель точно из-под земли вынырнул и прошептал:

– Едва нашел!

– Что нашел?

– Зажигательные трубки!

– Вамос, то есть «пошли», – сказал Рудольфо, и мы двинулись к автомобильной дороге.

На первом привале Мигель рассказал, как он уронил зажигательные трубки.

– Короткие, упали в траву, и еле нашел в темноте.

Едва мы достигли шоссе, как яркая вспышка озарила местность, и вскоре раздался резкий звук взрыва. За ним последовали другие. Мы пересекли автомобильную дорогу и прибавили шаг, спеша на условленный сборный пункт. И вовремя.

Большой огненный столб на мгновение осветил все вокруг, потом донеслись сильные взрывы и удары о землю падающих обломков. Это взорвались заряды под железобетонным мостом. Видя результаты своих дел, люди ликовали

– Формидавле! Муй биен! (Отлично! Очень хорошо!) – бурно выражали свой восторг проводники. Но нашу радость оборвали появившиеся со стороны Теруэля огни машин. Все были в сборе. Заряды на столбах линии связи продолжали взрываться. Мы радовались и, казалось, забыли, что находимся во вражеском тылу. А ведь враг мог через несколько минут подбросить несколько машин с войсками, и тогда нам могло не поздоровиться!

– Передай Доминго, чтобы дал команду быстро отходить, – сказал Рудольфо, и, раньше чем я успела перевести, он сам сказал капитану:

– Вамос! Рапидаменте!

Обратно шли налегке. Довольные удачей люди не чувствовали усталости.

Когда мы отошли километра на два от места диверсии, там, высоко в небе, вспыхнула осветительная ракета. Мы ускорили шаг.

Рассветало. По горизонту тянулись заснеженные горы, с них веяло холодом. Гул артиллерийской канонады оповестил о начале наступления республиканских войск на Теруэль, а мы еще были в тылу у мятежников и не спешили, надеясь, что республиканцы овладеют городом, но когда группа вошла в расположение своих войск, известий об освобождении его не поступило.

Доминго отправил диверсантов на отдых, а мы поехали докладывать командиру.

– Как сильно взрывались заряды! Как далеко летели осколки! – восхищался низкорослый, но, как оказалось, выносливый и расторопный проводник с черно-красным галстуком.

– Это не хуже авиабомб! – добавил другой, довольно угрюмый проводник.

– Конечно, не хуже! – согласился первый. – Даже лучше! Бомбы и с самолетов не всегда в цель попадают, а тут били без промаха. Вот порадуем товарища Бенедито! – заключил он.

Командующий принял нас только после полудня, и каково же было наше удивление, когда он, даже не дослушав доклада капитана Унгария Доминго, крепко выругался.

– Никакой от вас пользы! Только нашумели! Враг получает подкрепления! Связь у него работает!

– Послушайте меня, товарищ командующий! – начал возражать Доминго. – Задание выполнено и даже перевыполнено. Столбы и провода подорваны, мосты разрушены...

Но Бенедито не дал договорить капитану Унгария. Тут нам повезло – командующего вызвали к аппарату.

– Неужели 14 человек должны были решить успех операции... – ворчал Доминго.

– Не унывайте, – улучив момент, сказал нам присутствующий при этом разговоре артиллерийский советник Н.Н. Воронов.

– Поймите, – продолжал Воронов, – командующий нервничает. Наступление не развивается по плану, и войска несут большие потери.

– Но причем тут мы?! Разве наша маленькая группа могла обеспечить успех наступления? – перевела я слова Унгария.

– Конечно, нет!

Появился Бенедито и, увидев, что Доминго не ушел, вновь обрушился на него.

Поведением командующего и его оценкой результатов работы группы все мы были удручены. Особенно тяжело переживал проводник. Он покраснел как рак и внезапно громко стал кричать:

– Два моста подорвали, связь всю разрушили. Осколки за сотню метров летели. Четырнадцать человек на магистраль вышли, куда батальон боялся идти, – кричал он, размахивая руками.

Доминго стоял раздраженный и тихо ругался.

Командующий от неожиданности даже растерялся. Убедил ли его проводник или ему стало неудобно перед Н.Н. Вороновым, но он перестал кричать и зло сказал:

– Хорошо. Отдыхайте! Готовьтесь опять идти в тыл врага завтра!

Мы вышли в подавленном состоянии. Больше всего переживали проводники и Рудольфо.

– Сам бы сходил, тогда бы знал, как это делается, – сказал разъяренный проводник.

Старший проводник, уже не стесняясь моего присутствия, употреблял выражения, которые нельзя было переводить.

Усталые и хмурые, мы возвратились в Ориос.

Вошли в помещение. Большинство участников похода уже спали. У некоторых ноги были забинтованы, как у раненых. Остававшиеся в резерве да человек пять из вернувшихся ожидали нас.

Увидев, сначала обрадовались, но когда заметили наше состояние, на их лицах появилось выражение озабоченности и недоумения.

– Что случилось? – спросил Антонио Буйтраго.

– Все в порядке! – ответил бодро капитан, но его боевые друзья и по тону ответа, и по нашему настроению поняли неладное.

– Спать! Спать! А то сегодня опять в поход! – сказал Доминго, сел на пол и стал разуваться.

К нему подсел Рубио и тихо спросил:

– Почему вы все такие недовольные?

– Теруэль не освободили! Вот почему!

Больше вопросов не задавали.

На следующий день, едва я только окончила утреннюю зарядку, ко мне постучали.

– Луиза! Я к вам по серьезному вопросу! – сказал, поздоровавшись, Пепе.

– Пожалуйста!

– Луиза! Пока вы ходили в тыл, я занялся разведкой. От местных крестьян узнал, что незадолго до нашего приезда мятежники на машинах выезжали на дорогу Теруэль – Пералес и подъезжали под Ориос. Так почему нам не выехать на их магистраль Теруэль – Каламоча?

Вначале я не поняла, в чем дело, и почему он обращается ко мне.

– А ты Доминго об этом говорил?

– Нет! Доминго кавалерист. Он не поймет. Важно, чтобы с моим предложением согласились вы и рассказали о нем Рудольфо.

– Пепе! Я не понимаю, как это выехать на магистраль? Зачем?

Пепе озабоченно улыбнулся, подумал и начал объяснять.

– Вы ходили на эту же самую магистраль пешком, устали, а некоторые и ноги натерли.

– Да! – согласилась я.

– Устали, когда сделали всего около 30 километров, то что будет, когда придется пройти второй раз еще дальше? – не унимался Пепе.

– Слушай, Пепе, пойдем к Рудольфо, и ты ему расскажешь.

В это время перед домом остановился «пежо», из которого выскочил уже бывавший у нас чубастый анархист.

– Где капитан Унгррия? – спросил он оторопевшего часового. – Есть важный, срочный боевой приказ.

Доминго и Рудольфо тоже уже не спали. Капитан вскрыл пакет, прочитал приказ, расписался в получении его и сказал:

– Хорошо! Все ясно!

Нарочный от командующего попрощался и умчался на своей запыленной машине.

Капитан еще раз прочел полученный документ, передал его мне, и я перевела его содержание Рудольфо. Командующий приказывал ежедневно совершать вылазки на коммуникации противника севернее Теруэля.

– Нужны лошади. Это может делать только кавалерия! – безапелляционно заявил упавшим голосом опечаленный Доминго окружившим его бойцам.

И тут Пепе внес свое предложение о вылазке на автомашинах.

Доминго от неожиданности ничего не сказал. Рудольфо я еще не успела перевести, горячий Рубио выразил сомнение, но Пепе, не обращая на него внимания, начал обосновывать свое предложение.

– Если противник выезжал среди бела дня со своей магистрали на нашу, то почему мы этого не можем сделать? – вопрошал он.

– Можем! Безусловно, можем! – поддержал Хуан.

Доминго и Рудольфо решили изучить предложение Пепе.

Командир батальона, на участке которого появлялись на машинах мятежники, не только согласился оказать нам содействие, но и выделил восемь добровольцев из состава батальона.

– Вот где проезжали машины мятежников, – показывал торжествующий Пепе, когда мы прибыли в лесок, находившийся на «ничейной» территории, и по суходолу, поросшему на склонах кустарником, направились к автомобильной дороге Теруэль – Каламоча.

В четырех километрах от позиций своих войск мы выбрались на полевую дорогу и прибавили скорость.

Местность холмистая, впереди небольшие лесочки. Глинистая почва потрескалась, кое-где видны камни причудливых очертаний. Ярко светит полуденное солнце, высоко в небе редкие светлые облака. Слышен ровный рокот автомобильного мотора. Настораживает тишина.

– Ель кортихо! – тихо говорит Доминго, показывая на одинокую пастушью избушку, до которой около километра.

Рудольфо предлагает остановиться, съехав в лошину, и выслать разведку. Доминго соглашается. Рубио с Буйтраго выезжают, остальные готовы поддержать их огнем.

Чем ближе подъезжал Рубио к кортихо, тем сильнее билось сердце. «А вдруг внезапный залп!» – думала я. Но все обошлось благополучно. Условленный сигнал: можно ехать.

Подъезжаем. У дома жадно пощипывает травку голодная оседланная лошадь. Временами она настороженно поднимает голову. На седле – запекшаяся кровь. Лошадь испуганно шарахается от бойцов...

Поставили машины под крону растущих деревьев. Заходим в избушку. Никого нет. Разбросаны предметы домашнего обихода. Где всадник, и что случилось с ним? Почему он бросил лошадь? Или он убит, и конь вернулся к своему дому?

Доминго и Рудольфо вместе с Антонио, Рубио и проводниками внимательно осматривают местность. На земле следы вражеских машин, но ничто не сулит опасности.

Километра два проехали, не заметив ничего подозрительного.

– Слева солдаты. Они заметили нас и прячутся! – доложил Буйтраго-старший, наблюдавший за местностью.

– Стоп! – командует Доминго. Машины останавливаются. Метрах в 800 к югу от дороги отчетливо видны вооруженные люди в военной форме. Но кто они?

Впереди лощина, высокий кустарник.

– Полный вперед! – командует капитан Доминго.

Рубио включает передачу, машины рванули, но не успели скрыться, и нас обстреляли. К счастью, стрелки оказались неважными, и мы без потерь въехали в лошину, закрытую кустами.

– Стой! – скомандовал Доминго. – Разворачивайтесь обратно, – приказал он водителям. – Остальные за мной.

Противник ведет огонь по машинам, которые не могут полностью скрыться в лощине, но моторы и водители находятся вне досягаемости. Наши отвечают на огонь, и перестрелка усиливается. И это на ничейной территории, среди белого дня.

– Все сорвалось! – горячится Доминго.

– Смотри! Они отходят на восток, к республиканцам! – говорит Рудольфо. Я перевожу, капитан приказывает прекратить огонь. Доминго ругается.

– Выкиньте красный флаг, – советует Рудольфо.

Пепе быстро снимает флажок со своей машины и поднимает его на карабине. В ответ группа на склоне горы показывает на винтовке черно-красную повязку.

– Разрешите мне сходить на переговоры! – предлагает Хуан. Рудольфо и Доминго соглашаются. Парламентер идет неторопливо, не оглядываясь.

А мысль работает напряженно. Риск велик. Вышлют ли встретившиеся своего представителя для переговоров?

Минуты ожидания кажутся вечностью, время точно остановилось, а Хуан все идет и идет вперед... Ждем с замиранием сердца: вдруг раздастся роковой выстрел. Напряженно ждем, готовые к ответу на возможную провокацию.

Наконец, к всеобщему облегчению, оттуда, где находилась неизвестная группа, встал вооруженный человек и, держа винтовку в правой руке, пошел навстречу Хуану. Парламентеры сходятся, жестикулируют, видимо, спорят. Через две-три минуты Хуан оборачивается к нам и машет рукой, приглашая нас.

Радостно направляемся к парламентарам, выбираются из кустов и наши «противники».

– Редко, но бывает, – заметил Рудольфо, – «своя своих не познаша». Наша группа столкнулась с разведкой одной из частей анархистов.

– Никаких фашистских отрядов нет до самой автомобильной дороги, – обрадовали нас разведчики.

Несмотря на перестрелку, Доминго и Рудольфо приняли решение двигаться дальше, и водители снова развернули машины.

Ехали по полевым дорогам, никого не встречая.

До магистрали оставалось около пяти километров, когда Рубио резко остановил машину, спрыгнул и стал рассматривать дорогу. Всего в трех метрах перед машиной, поперек дороги, виднелись две параллельные трещины. При внимательном рассмотрении было заметно, что грунт между трещинами отличается по структуре от остальной дороги.

– Что бы это значило? – спросил Доминго.

Рудольфо осторожно палочкой простучал дорогу до трещин и между ними и сказал:

– Возможно, «волчья яма»! Да еще с миной!

– Неважно! Легко объехать, – заметил Пепе.

Так и сделали. Возвратились метров на 50 и по полю объехали подозрительное место. Дальше ехали еще медленнее, внимательно рассматривая дорогу. Вскоре выехали на проселок, где виднелись свежие следы автомашин, и по нему подъехали к автомагистрали, связывающей гарнизон мятежников в Теруэле с их основными силами. С расстояния меньше километра из-за кустарника, словно это не в тылу врага, наблюдаем за движением по шоссе Теруэль – Каламоча.

Видна нам и железная дорога, но поездов не появлялось.

По автодороге идут главным образом одиночные машины и очень редко – колонны из 10–15 грузовиков. Никакой охраны не заметно.

– Выехать бы на дорогу, пристроиться к какой-нибудь колонне и устроить мятежникам «фейерверк», – предлагает Доминго. Но Рудольфо не соглашается.

– В другой раз и в другом месте, а тут близко крупные и уже встревоженные гарнизоны противника, – говорит он.

По суходолу приближаемся к шоссе настолько близко, что заметны лица солдат. Разворачиваем машины так, чтобы нас не было видно с дороги и сподручней было вести огонь.

Машины отъезжают метров на 25 назад, Буйтраго-старший ставит в колее две мины и маскирует их. Хуан устанавливает мину с почти незаметной ниткой. Все работают спокойно, как на занятиях.

Противник нас или не замечает, или считает своими, поэтому никак не реагирует. Безусловно, фашистам и в голову не приходит, что подъехавшие к дороге легковые машины привезли республиканцев.

Группа занимает огневую позицию за камнями и терпеливо ожидает подхода небольшой колонны с грузами. Но идут одиночные машины, преимущественно легковые. Наконец, с севера появляется колонна. Все напряженно вглядываются.

– Очень хорошо! Грузовики и, кажется, без войск, – шепчет Доминго.

Колонна уже совсем близко – видны брезентовые тенты, всего 12 машин. Когда первая равняется с группой, Рудольфо и капитан открывают огонь, а за ними и вся группа.

Попавшие под обстрел машины с хода сползают на обочины, одна загорается. Некоторые вояки прыгают из кабин и кузовов в кюветы, другие удирают. Группа прекращает огонь и, пригнувшись, отходит к своим машинам. С севера приближается большая автомобильная колонна. Все в сборе. Машины заведены, и мы быстро трогаемся в обратный путь. Нас прикрывают заранее установленные мины. С автомагистрали доносятся выстрелы. Это, видимо, опомнились уцелевшие водители и солдаты, сопровождавшие грузы. Мы едем по проторенной дороге. Солнце спереди и немного правее. Встречные солнечные лучи будут мешать преследователям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.